

Сегодня мой самый любимый день — вечер пятницы. Обычно в пятницу у меня впереди два выходных. А с пятничным вечером, считай, все три. Но все дело в том, что с понедельника начинается мой отпуск и продлится он целый месяц. Но это еще будет впереди. А сегодня у меня — целая пятница!

Приехал с работы, быстренько сварганил ужин в виде яичницы с добавлением всего, что нашел в холодильнике. Помните у Джерома К. Джерома в книге «Трое в лодке, не считая собаки» упоминается «ирландское рагу», которое представляет из себя тушеное блюдо из всего, что вы найдете в холодильнике? Я попробовал это сделать, и оказалось, что книга не обманывает — получается действительно очень вкусно. А если под рукой есть майонез и сыр, то точно — пальчики оближешь.

Все это я приготовил очень быстро, сделал пару глотков крепкого чаю, и вот уже на велосипеде еду на море. Хотя, чего тут ехать? Только и надо, что подняться на дюну и вот вам море с бесплатным видом на закат, как по расписанию. Сегодня вода в море теплая. Вон, страна «голопузия» в ней плещется! А потом, накупавшись, можно будет бухнуться с книгой на песок. Сейчас для счастья мне ничего больше и не надо. Сегодня взял с собой Хемингуэя, это для меня самое любимое летнее чтение. Каждое лето перечитываю «Острова в океане».

Как хорошо на волнах! Они поднимают тебя, и тут же ты погружаешься в провал между ними, и тогда берега не видно, кажется, что ты в бескрайнем, открытом море, и над тобой только голубое небо, облака и пена волн, сбиваемая ветром. Я поворачиваюсь лицом к закатному солнцу, прикрываю глаза, чтобы солнечный свет не слепил и, чувствуя всем телом прохладу моря, говорю: «Боже, спасибо тебе за все! Я счастлив!»

Это и есть вся моя молитва. И я уверен, что Бог меня слышит. Чем это море хуже любого храма, который строят люди? Вот какой надо мной голубой купол! Вот какая закатная роспись!

Волны несут меня к берегу, выхожу и, обсыхая, разглядываю детвору с совками, ведерками, играющую на песке. Пытаюсь снова научиться быть таким, как они. **В**

отличие от нас, взрослых, они в момент игры ни о чем, кроме того, что видят их глаза и делают их руки, не думают. Мы, взрослые, так уже не умеем. Играть, дети пребывают в вечности. Для них не существует ни «сегодня», ни «завтра», а есть только это мгновение, и оноечно. Это потом в школе им разъяснят, что есть дни недели и надо думать о завтрашнем дне и беспокоиться о нем, ведь то, что будет завтра, неизвестно, а все неизвестное порождает тревогу.

Да, все началось со школы. Вот представляю я понедельник, среду или пятницу. Что я вижу? Конечно, разворот школьного дневника. Вот она среда, внизу на левой странице разворота. Вот откуда все это идет.

А та детвора, что в песке копается, ничего об этом не знает. Они сейчас не просто маленькие детки, занимающиеся всякой ерундой. Нет, это невероятные существа. Они живут в совершенно другом мире. Они живут в вечности.

Хотелось бы снова этому научиться. Просто видеть небо, слышать, как шумит море, как ползет божья коровка по пальцу, а не думать о работе. И ведь самое смешное то, что в понедельник в городе на работе я буду мысленно... бродить у моря и видеть людей на пляже, которые уже загорают и купаются... Эх, никогда меня нет там, где я нахожусь...

Я ложусь на теплый песок и начинаю читать. Краем глаза замечаю муравья, бегущего по странице. Здорово лежать на теплом песке под последними предзакатными лучами солнца и читать книгу! На страницах книги мерцают песчинки. На песчаных пригорках шуршат на ветру островки жесткой осоки и покачиваются стебли дикого овса. Я поднимаю нагретую солнцем книгу и прижимаюсь к ней лицом. Отраженный книгой шум моря становится сильнее.

Переворачиваюсь на спину и смотрю в небо. Облака окрашены теплым светом, они уже гаснут понемногу на бледно-голубом небе и медленно движутся в сторону моря.

Я одеваюсь и собираюсь уходить. На голубой лавочке никого нет, только ворона враскачку прохаживается по ней, клюет и сбрасывает на землю что-то блестящее.

Проходя мимо, взмахом руки, отгоняю ворону. С недовольным карканьем она нехотя, боком отбегает в сторону.

Переехав через дюны, поросшие соснами, выезжаю на дорогу. Здесь шум моря не слышен. Я еду на велосипеде по гладкой асфальтовой дороге. Хорошо разогнаться так, чтобы с ветерком! Эй, воробей, в сторону!

По обеим сторонам дороги проносятся дома со светящимися окнами. Иногда слышится музыка и смех играющих детей. Начинает темнеть. Шашлычком запахло... Мне очень нравятся дома, в которых светятся окна. Нравится, когда на террасе едва видны силуэты людей, они тихо беседуют, слышны их голоса.

Проезжаю мимо двора, в котором живет огромный белый пес. Это большой оригинал. Его сейчас не видно за частыми планками забора, но я-то знаю, что он там. Каждый раз, когда еду мимо полуоткрытых ворот, он показывает мне свою очередную игрушку.

Так и есть — стоит в проеме полуоткрытых ворот и держит в зубах диванную подушку.

— Ух, ты!.. — восторгаюсь я. — Хороший, хороший пес!

Фыркнув, он поворачивается и трусит во тьму. А я еду дальше и вспоминаю о своей собаке. Не очень-то мне весело об этом вспоминать. Но сейчас так получилось.

Было это месяца два назад. Вернулся как-то вечером точно с такой же прогулки и увидел у своего забора пса. Он тяжело дышал, высунув язык, и грустно так, вроде как виновато, смотрел на меня. Это был большой пес, что-то вроде овчарки, но явно не чистокровной. Я зажег свет на кухне и стал готовить ужин. Выглянув в открытое окно, увидел его. Он смотрел на меня и принюхивался к запаху жарящейся картошки. Я открыл холодильник, раздумывая, чем бы его покормить. Увидел пару

сарделек и решил, что ему понравится. Подошел к нему, видя, что он внимательно смотрит на мою руку с сардельками, и положил их перед ним.

Я поразился тому, как молниеносно пес их проглотил.

«Да ты голодный! — подумал я. — Но что же тебе еще дать?»

Кроме жареной картошки, у меня в этот вечер ничего не было. Правда, был еще кусок колбасы и хлеб.

— Пошли! — позвал я собаку, приоткрывая калитку. — Пойдем, — похлопал я рукой по ноге, полагая, что именно так и надо подзывать собаку. Он действительно встал и пошел за мной, но в дом не вошел, а улегся снаружи в прямоугольнике света, падавшего из открытой двери.

Ночь была звездной. В такие ночи мне всегда кажется, что небо медленно кружится над домом, звезды сверкают, переливаются. Я сидел на ступеньках, бросая собаке куски хлеба и колбасы, потом вошел в дом и закрыл дверь. Калитку я оставил открытой, чтобы он мог уйти.

Но пес не ушел. На следующее утро я, отправляясь на работу, увидел его в дальнем конце двора, он обследовал территорию, обнюхивая все, что казалось ему интересным.

«Нормально! — подумал я. — Похоже, у меня появилась собака».

Не скажу, что меня обрадовала эта мысль.

А в конце дня, когда, усталый и измотанный, вернулся домой, я прямо-таки растрогался — меня встречали. Никогда меня так еще не встречали. Прямо у калитки. Да еще виляя хвостом. Это меня тронуло. Но и я о нем не забыл — купил собачьего корма и все то, что, по моему мнению, могло ему понравиться.

Не скрою, хоть пес жил во дворе, но даже в доме стало как-то уютнее. Чувствовалась рядом живая душа. Я ощущал это даже в спальне, лежа в постели с книгой в руках.

Прошло несколько дней. Однажды вечером начался сильный ливень с ветром. Под козырьком над входом пес спрятаться не мог. Косые струи дождя и там все заливали. Я открыл дверь и впустил его в дом. Но дальше прихожей он не пошел, а улегся на коврик рядом с обувью.

Спать не хотелось, я заварил чаю и, сев в кресло, включил музыку.

Интересно, подумал я, прислушиваясь к яростному шуму дождя по крыше, как этого пса зовут? Он явно брошен кем-то. У него был хозяин и ведь как-то этот хозяин его звал. Мне пришла в голову мысль, что его кличка начиналась с какой-то буквы. А вдруг он на нее отреагирует.

— А!.. Бэ!.. Вэ!.. — громко произносил я, но пес в прихожей никак не реагировал.

Подходя к концу алфавита, я уже потерял надежду на успех и, устало прикрыв глаза, просто крикнул ему:

— Эй! Иди сюда!..

Тут же послышалось когтистое царапанье лап по паркету, и пес, подойдя ко мне, замер, уткнувшись головой в мой живот. Я погладил его по шее и увидел на ладони кровь. Я заметил рану, попробовал ее рассмотреть повнимательнее, но это вызвало у пса недовольство. Он потрусил в коридор и снова улегся у двери.

Я достал йод, бинт и как можно осторожнее обработал рану.

Ночью буря с дождем разошлась не на шутку. Было слышно, как во дворе упала сломанная ветром ветвь дерева. Пес несколько раз гавкнул.

«Ну, вот и службу начал нести», — подумал я, засыпая.

Пса я назвал Эль, раз уж буква «э» пришлась ему по душе. Он, радостно виляя хвостом, встречал меня после работы, а потом я садился на велосипед, и мы отправлялись на прогулку по лесной дорожке.

— Эль! Эль! — звал его я, когда он слишком далеко отбежал в сторону, и он тут же возвращался.

— Хороший, пес! Хороший! — поглаживал я его по вечерам, когда он входил на мой зов в комнату, прижимался головой к моему животу и, чуть постояв так, уходил на свой коврик у входной двери.

Но скоро я стал замечать, что он то ли устает, то ли плохо себя чувствует. И кровь из раны продолжала сочиться. Ветеринар, к которому я обратился, осмотрел собаку, сделал анализы и грустно покачал головой.

— Пес умирает, — сказал он прямо. — Видимо, пока он бродил один, где-то поел крысиного яду. Спасти его нельзя. Можно постоянно переливать кровь, если у вас есть знакомый с собакой такого же габарита, но это лишь немного оттянет конец, а вернее — агонию. Еще неделя-две и он начнет мучиться. Нужно ли вам, чтобы он мучился?

Я слушал все это совершенно ошарашенный. Ведь я приехал в клинику, полагая, что это просто рана. Ее обработают, сделают укол или еще что-то... А тут вдруг такое.

— Что же делать? — задал я бессмысленный вопрос и посмотрел на Эля. Он тоже поднял голову с лап и печально посмотрел на меня.

Не знаю, что может выражать собачий взгляд, но в этот миг я уловил в его глазах доверие ко мне и покорность. Он чуть вильнул хвостом и снова положил морду на лапы.

Ветеринар вернулся к своему столу.

— Решайте. Я советую его не мучить, — сказал он.

Я молчал, не в силах что-либо ответить.

— Самое лучшее не доводить его до мук, — продолжил ветеринар, — но решать вам.

— Как это неожиданно!..

— Такое всегда происходит неожиданно. Решайте. Это можно сделать прямо сейчас. Пес ничего не почувствует. Сначала мы его просто усыпим. Он просто заснет.

— Но это точно все так? — спросил я.

— Вот, результат из лаборатории. Вы можете пойти в другую клинику, но результат будет тот же самый.

Я стоял рядом с Элем и не мог смотреть на него.

— Да. Хорошо, — услышал я свой голос.

Ветеринар терпеливо дожидался моего решения.

— Сколько это будет стоить? — спросил я, чтобы просто что-то сказать, и отвернулся к окну, пытаясь скрыть комок, подступивший к горлу.

— Это бесплатно, — ответил ветеринар и позвал помощницу из соседнего кабинета. — Это единственно правильное решение. Собаку не надо мучить.

Я слышал, как открывается дверь холодильника, как что-то шуршит, надламывается стекло, звякают какие-то склянки, что-то звякает...

Я смотрел в окно на голубые просветы неба среди ветвей дерева.

— Подойдите сюда, — позвал ветеринар. — Вы можете попрощаться с ним. Погладьте его, и он успокоится.

Я подошел к Элю, стал гладить его голову и встретился с его взглядом, спокойным и доверчивым. Боковым зрением я заметил руку ветеринара со шприцом, закрыл глаза и вдруг почувствовал, как Эль благодарно лизнул мне ладонь.

Вот и вся наша жизнь с Элем. Эта история припомнилась мне теперь, летним вечером. Иногда думаю, почему я встретил Эля? Получается, чтобы дать ему спокойно умереть. Он умер не под забором и под дождем. Чутьочку добра он успел получить. Выходит, что так.

Не хочется ехать домой. Вечер уж очень хорош. Хочется «целую пятницу» растянуть как можно дольше. А можно ли, и вправду, остановить время? Однажды

мне показалось, что можно. По крайней мере, я знаю, как сделать для этого первый шаг. Это очень легко. А нужно просто-напросто самому остановиться. Например, идешь ты по делам, бежишь, несешься, возьми и остановись. Замри. Вглядишься во что-нибудь внимательно. Не думай ни о чем, просто наблюдай за тем, что происходит вокруг. Не важно, что это будет. Наблюдай за муравьем, да хоть за травинкой, которую чуть колеблет ветер. Самое главное — остановиться самому и заметить мир вокруг себя. Все!.. Время начинается, когда мы начинаем движение, перестаем замечать что-либо вокруг себя и начинаем о чем-то думать.

Сейчас я так и сделал, снова повернул к морю, выехал на высокую дюну и остановился. Вот!.. Вот он миг вечности. Мир есть, а меня словно и нет в мире. Есть только тьма, огни кораблей на горизонте, свет звезд и тихий плеск волн. Как только я забыл о себе, не стало и времени.

Но долго стоять на одном месте не будешь. Вот оно — время, снова тут же затикало.

Справа на берегу я вижу скопление огоньков. Там стоят шатры летнего ресторана. Я спускаюсь к морю и еду вдоль берега к огням. Чем ближе подъезжаю, тем громче доносятся звуки саксофона и гитары. О, сегодня и живая музыка есть! Это то, что надо.

Под большим шатром людей довольно много, сюда приезжают целыми семьями. Между столами и лавками из толстых струганных досок бегают дети. Для них тут стоит большой ящик с игрушками.

Заказал себе пива, жареной рыбы с запеченной картошечкой и сел поближе к музыкантам. Интересный это народ. Люблю за ними наблюдать. Вообще о музыке у меня есть свое, может и странное, но прочувствованное мнение. Для меня музыка — высшее проявление дружбы и любви. Ведь друг и любимый человек — это тот, с кем ты живешь в унисон. Каждый невозможен без другого, каждый заботится не о себе, а о том, чтобы звучание другого звучало как можно лучше. Не знаю, бывает ли такое в жизни, но в музыке все именно так и происходит.

Я так их заслушался, что забыл об ужине. В свете огня передо мной на столе целая картина — золотисто поджаренная картошечка, рыба и янтарное пиво в бокале. И все это на фоне ночи за раздвинутым пологом шатра. Эх, хорошая все-таки жизнь штука!

Ночь пьянит получше пива. Как хорошо сидеть, слушать музыку, чуть угадываемый за ней шум волн и людские голоса. Морской ветерок залетает сюда под своды шатра, чуть колышет их.

На берегу разожгли большой костер из толстых бревен. Видны его всполохи за пластиковыми окошками. Слушаю музыку, пью пиво и смотрю вокруг...

Мой дом встретил меня темными окнами. Но это дело быстро поправимое. Я открыл дверь, зажег свет во всех комнатах, даже на втором этаже, и вышел снова на дорогу полюбоваться. Красота!.. Вот и в моем доме во всех окнах горит свет и мерцают над ним звезды. А вон и спутник — кажется, что он не летит, а скользит по черной глади неба.

Я сел на ступеньки и прислушался к ночи. Как хорошо посидеть в темноте, глядя на звезды! Послушать далекий шум электрички и шелест березовой листвы на ветру. Этот шум всегда напоминает те дни, когда в детстве, наигравшись с ребятами на поляне, я подбегал в сумерках к дому и слышал из открытого окна кухни шкварчащий звук — мама жарила картошку или еще что-то. Этот звук я узнавал теперь в ночном, таком же шкварчащем шелесте листвы. А осенью так здорово слушать, как со звенящим гулом проносятся в ночном небе стаи гусей. Грустно тогда становится. Не могу понять почему, но грустно. Улетают птицы на юг. А ты остаешься. Это первое дыхание осени... И обещание суровой зимы.

Однажды я сделал для себя открытие. И заключалось оно в том, что надо почаще смотреть на небо, да и вообще на все грандиозное. Тут годится не только небо, но и море, горы. Если иногда вижу на горизонте облако в виде горы, то с легкостью представляю, что это действительно гора, и вся местность от этого преобразается, становится новой, необычной. Сидишь, поглядываешь на эту «гору» и думаешь: а не подняться ли завтра вон на тот склон? И прикидываешь, сколько это займет времени. Нет, думаешь потом, далековато...

Смотреть на все грандиозное я люблю потому, что море, небо, горы служат масштабом, по сравнению с которым все мои тревоги, мысли и желания сразу кажутся мелкими и смехотворными.

По этой же причине я люблю гулять по нашему местному кладбищу у моря. Смерть — это беспредельная грандиозность, гораздо более глубокая, чем бездонное небо. Как хорошо на кладбище в летний жаркий день! Тенистые дорожки выются между стволами деревьев, увитых диким виноградом. Пятна света колыхаются на листьях, на стволах деревьев, а над головой, среди ветвей, просветы голубого неба. В зеленом душистом сумраке тени горят огоньки ярких цветов, сюда доносится шум волн и голоса играющих на берегу детей.

Гуляя среди могил, видя овальные снимки людей, ушедших в вечность, начинаешь задумываться — а что же есть в нашей жизни такое, что можно было бы противопоставить вечности и забвению? Ради чего стоит жить? Ради денег? Ради работы, которая ох как редко соответствует тому, чем тебе хотелось бы заниматься? И даже удовольствия жизни кажутся мне здесь пустяками. Но что-то же должно быть. Думаю, если и есть в жизни что-то способное противостоять смерти, что-то, столь же грандиозное и необъяснимое, то это любовь. И не важно, разделенная она или неразделенная. Какая разница. Она уже живет в нашем сердце.

2

Ну и жара!.. Эта мысль пришла в голову сразу же, как только утром раскрыл глаза. С пяти утра не мог заснуть. Как разбудил соседский петух, так и продолжал врываться в мой сон через каждые полчаса. Тоже, наверное, почувствовал приближение жаркого дня.

С треском и шипением разбил на сковородку два яйца и заварил кофе, быстро позавтракал и, прихватив книгу Хемингуэя, пошел на море. Выходя из калитки, краем глаза заметил, что пора бы уже покосить траву во дворе, но в такой сказочный день просто грех не поваляться у моря на теплом песочке. Не так уж много у нас тут, в Прибалтике, таких солнечных дней.

На пляже расположился на лавочке, что в тени под ивой. Цвет у нее пронзительный, небесно-голубой. Мне всегда кажется, что это и есть цвет счастья. На лавочке никого нет, только девчонка лет пяти, загорелая, как негритенок, играет в песке с ведерком и блестящими формочками. Кстати, я вспомнил, что она и вчера здесь была — пару раз сыпанула на меня песком, пробегая мимо.

Девчонка убежала за дюну, но вскоре вернулась, полизывая мороженое. Лопала она его до того сосредоточенно, что казалось, нет в мире дела важнее этого. Капая мороженым себе на живот, она, прищурив один глаз, несколько минут смотрела на меня и наконец сказала:

— А вчера тебя видела. И в другие дни тоже... Ты всегда тут рисуешь...

Я посмотрел на нее. Лет пять ей, не больше.

— Видела, говоришь?

— Да.

— Это что... Пустяки. Меня каждый может увидеть. А вот волшебницу ты видела здесь вчера? Она прямо тут на этой лавочке сидела. Вот ее не каждый может увидеть.

Девчонка лизала мороженое и, казалось, не услышала меня.

— Я ее тут сто раз видела, — сказала она наконец.

— Тогда тебе повезло! Взрослые их видеть не могут. Только дети. Эх, хотел бы я знать, какая она...

— Она хорошая...

— Ну, это-то понятно. А как она выглядела?

Мороженое теперь текло у девчонки и по локтю. Вот же поросенок!

— У нее золотые крылья и золотые волосы.

— Да, ты действительно ее видела. Я слышал, что волшебницы именно такие и бывают!

— У нее была золотая волшебная палочка и золотая волшебная книжка...

— Не много ли золота? А книжка большая или маленькая?

— Маленькая.

— Раз уж ты такая наблюдательная, я тебе сейчас эту волшебницу нарисую. Хочешь?

— Ага! — девчонка шмыгнула носом и присела рядом.

Ух, и нагрело же ее солнышко! Я прямо чувствовал, как тепло веет от нее...

Из кармана шорт достал блокнот, фломастер, они всегда со мной, и быстро набросал ей волшебницу, которую она только что описала.

— Похоже? — спросил я.

— Да. А ты дашь мне этот рисунок?

— Бери. Он твой.

Она взяла листок с рисунком и, ничего не сказав, убежала за дюну.

Полдня я провалялся на пляже. Девчонка как убежала, так и не появлялась больше. Поговорить с ней еще мне не удалось. А хотелось бы. Я ведь все больше один. И на работе не до разговоров. Бывают такие дни, что и словом ни с кем не обмолвишься.

Хорошо, что впереди отпуск. Я так его ждал! Теперь смогу спокойно рисовать, делать пастели у моря. Обычно у меня совсем не остается времени на рисование.

К обеду показались на небе грозовые тучи. Поднялся ветер. Погода у нас быстро меняется.

Пошел домой не прямо, а через станцию, чтобы в привокзальном магазине купить что-нибудь к ужину. И вот тут-то меня дождь и накрыл. Сначала потемнело, стало тихо и сразу с треском и грохотом полило... И не просто дождь, а целый водопад с порывистым, шквальным ветром. Я успел забежать под большой навес станционного здания и увидел девушку, которую в последнее время часто вижу тут по утрам. Она работает на вокзале, убирает территорию, подметает и все такое. Очень необычно в ней было то, что она всегда была потрясающе одета.

В своей необычной одежде, с метлой или лопатой для снега в руке, она выглядела как-то странно. Создавалось впечатление, что стояла себе девушка на перроне, ждала электричку, чтобы поехать потусить с друзьями, и тут ей вдруг говорят, вот тебе, детка, метла, нечего баловать, прибережи-ка тут весь мусор на перроне... И пошла она скрести в своей моднявой курточке и навороченных брюках. Только перчатки надела. Вот такая она была, и каждый раз меня озадачивала своим видом.

Но сейчас она не работала, а просто, как и я, забежала под станционный навес, спасаясь от ливня. И одета сейчас была в простое платьице с цветочным узором, отчего показалась мне совсем девчонкой. Я ее и узнал-то не сразу. Глянуть на нее сейчас со спины — она в этом платье как школьница. Никогда прежде я так близко

рядом с ней не оказывался. Все больше издали видел. Метет, скребет, и всегда у нее какая-нибудь новая сумочка через плечо, да не простая какая-нибудь, а все больше экстравагантная, с вышивками, камнями. А один раз была даже с впитенными веточками лозы и лисьим хвостом. И голоса ее тоже никогда не слышал, и только подумал об этом, как зазвонил в ее сумочке телефон, она достала его и, отбросив от уха движением головы темные волосы, заговорила, но так тихо, что я и сейчас голоса совсем не расслышал.

Я чуть отошел и сделал вид, что разглядываю архитектурные детали нашей станции, но не удержался, снова взглянул на нее с самым равнодушным видом. Стрижка короткая — непокорные, искусно растрепанные темные волосы, а вот глаза не разглядеть за овальными солнцезащитными очками.

Дождь прекратился, и выглянуло солнце. Она пошла по дороге в сторону моря, обходя блестящие по краям лужи. И снова шумела на теплом ветру листва на деревьях, окатывая землю градом капель. И отражалось в лужах синее небо. Чудесный день, живи да радуйся, целый отпуск впереди, но отчего-то грустно стало на душе.

Я зашел в привокзальный магазин, купил все, что было мне нужно, а потом не спеша шел по дороге домой. Шел, глядя себе под ноги, на асфальт, на мокрую листву, сорванную ветром.

Ничего не изменилось в мире. По-прежнему надо мной голубой простор неба, слышно, как шумит море... Я посмотрел на свою ладонь, солнце освещало ее, сжал руку в кулак и заметил на пальце мазок белой краски, так и не отмытой еще после работы.

Пришел домой, сунул продукты в холодильник, вышел во двор, окруженный лесом, и вижу, что дел полно. Я все откладываю, а делать-то их надо. Дожди вот-вот пойдут. Дрова надо сложить в сарай, щепы наколоть на зиму. Да и шишек надо набрать в пакеты, с ними легче потом котел растапливать. С этим тянуть не стоит. Зимой аукнется. Приходишь с работы затемно, метель метет, холод продирает, а ты видишь, что щепы нет для растопки. Ну и колешь полено, прямо там, в темноте, под кружащимся снегом.

Но с другой стороны, отложишь топор, выпрямишься и помотришь в звездное небо над головой. Вдохнешь холодного воздуха, удержишь дыхание и прислушаешься к тишине и вдруг услышишь, как с тихим шепотком падают вокруг снежинки...

Я обошел вокруг дома, нашел под старой яблоней несколько подберезовиков. Очень кстати! С лучком пожарю. Неужели грибы пошли! Надо будет по лесу пройтись, посмотреть. Подошел к окну и посмотрел через него в дом. Прежде я часто, делая что-то во дворе, подходил к этому окну, смотрел в него и видел маму. Я всегда видел ее через это окно. А теперь за окном темно...

Листва на яблоне замерла, светится на солнце. Корявые, поросшие мхом ветви тянутся к небу. Я помню, как в детстве читал на траве, именно на этом месте, «Мертвые души» Гоголя. Лето, солнце, я лежу под яблоней на расстеленном на траве одеяле. Передо мной лежит книга, я раскрываю ее, смотрю на заставку перед текстом — два мужика разглядывают бричку Чичикова. Я начинаю читать, переносясь в какой-то удивительный мир, а потом отрываюсь от чтения, оглядываюсь на наш дом и слышу голоса мамы, папы, старшего брата... Ощущаю, как солнце припекает сквозь листву шею и плечи. Книга мне нравится. И нравится весь этот день, и шум моря, звуки голосов в доме. И я счастлив оттого, что все это будет всегда...

Грибов во дворе я больше не нашел. Быстро соорудил обед — салат да банка тушенки. Взял этюдник, планшет с парой листов грунтованного картона и пошел снова на море. Вот он счастливый миг — буду сегодня рисовать, рисовать, рисовать... Наконец ничто мне не будет мешать.

Пошел я прямо через лес по старой тропе. Сейчас здесь редко ходят, и тропа немного заросла. Тут так получается, что куда ни пойдешь, все места связаны то с отцом, то с братом. А как иначе. Как же не помнить всего этого? Идя по этой дороге, люблю вспоминать, как ходили тут с папой. Сейчас точно такой же летний день, как тогда. Словно действительно нет времени, и я нахожусь в том же самом дне. То же самое небо над головой. Непохожее на то, а именно то же самое. Те же самые деревья по сторонам. Вот по этому сплетению корней на земле шли мы с отцом. Вон те ветви на огромном дереве были и тогда, в том далеком мире, который, оказывается, и был счастьем.

В последнее время, каждый раз проходя по этой лесной дороге, я вспоминаю один день. Папа идет со мной по лесной дороге, под ногами я вижу шишки, серые бугры корней, а сбоку дороги, под еловыми ветвями, замечаю желтую сыроежку. После утреннего дождя в ее загнутой кверху шляпке собралась вода, и плавает в ней желтый березовый листок. Я присел возле гриба на корточках, потрогал пальцем желтый листок и маслянисто-скользкую шляпку сыроежки. Годы спустя я прочитал рассказ о такой же точно сыроежке с плавающим в ее шляпке листком у Михаила Пришвина. Но сейчас я вижу это впервые и зачарован крохотным озерцем в шляпке гриба.

Солнце садится, а оранжевые отсветы, наоборот, поднимаются по сосновым стволам, чтобы, добравшись до самых вершин, погаснуть.

Снова взяв папу за руку, я посмотрел на него снизу вверх и увидел, что он о чем-то думает.

Я прижался щекой к его руке и вспомнил, как весной умерла тетя Катя. Я сидел тогда на кухне и прислушивался к тому, что происходит за закрытой дверью, где лежала тетя, и слышал вдруг мамин крик. Мне тогда показалось, что в той комнате появилось что-то ужасное, и, увидев это, мама закричала: «Нет-нет-нет!»

За дверью послышалась возня, и мне снова показалось, что мама изо всех сил держит тетю Катю, чтобы не отдать ее тому страшному, что появилось в комнате... Но у нее не хватило сил. Мама вышла из комнаты заплаканная и оставила дверь открытой. В проеме двери я не видел кровать, но видел окно, а за ним в небе облако с ослепительно горящим на солнце краем...

На ветке дерева я заметил белку и хотел было показать ее папе, но он вдруг остановился, отпустил мою руку и сказал:

— Что-то я устал. Ты пойдешь и сама поищи янтарь.

— Папа, я хочу с тобой.

— Я устал. Мы уже долго идем. Давай я возьму корзинку и пойду домой. А ты иди дальше сам.

Папа пошел назад, а я один побрел к морю, которое шумело за деревьями.

Оглянувшись, я увидел, как он уходит от меня. Я остановился и стал смотреть папе вслед, ожидая, что он оглянется, но он, то попадая в полосу света, то заходя в густую зеленую тень, уходил все дальше и дальше и вскоре скрылся за поворотом. Он так и не оглянулся.

Я остался на дороге один и не мог понять, почему же папа так устал? Ведь я не устал ни капельки. И, словно желая доказать себе это, быстро взбежал на крутой гребень дюны и там, с высоты, вдохнул всей грудью аромат шумящего моря.

Радость охватила меня. Я не мог понять, что же такое случилось, отчего мне стало так хорошо. И вдруг понял — сегодня был тот редкий день, когда море пахнет арбузом. Двигаются по морю волны с белыми гребнями, веет душистой прохладой,

и кажется мне, что передо мной совсем не море, а раскинувшийся во весь горизонт, прохладный, свежеразрезанный арбуз...

Когда вышел к морю, оно было совсем иным, не таким, как в моем воспоминании. С морем всегда так, оно каждый раз иное. Поэтому можно рисовать его каждый день и всегда будет новая, непохожая на прежнюю, картина.

После дождя на пляже пустынно. Вдали, со стороны заката, где сгустились тучи, чуть погромыхивает. Солнечные лучи пробиваются сквозь разрывы туч, бросают на волны золотые блики. Это мне очень даже нравится. Устроился на голубой лавочке среди зарослей ивы и жесткой травы, выбивавшейся из песчаных взгорков.

Я быстро набросал линию горизонта, изогнутую дугу залива и контуры облаков. Пока работал, из-под гряды туч засветило краснеющее солнце. Теперь надо работать быстро, несколько минут — и все пропадет. Пастелью нанес на небо голубой, бирюзовый и розовый тона и быстро растер ладонью. Сине-пепельная масса туч тоже быстро растерта, и по ее гребню сделал несколько росчерков золотисто-желтой пастелью. Получилось чуть резко, и я стер их краем ладони. Быстро нанес на море серо-зеленый тон, бросил на него пепельные рефлексы и быстрые удары солнечного света оранжевым мелком и охрой. Чуть стер их пальцем, чтобы стали они более размытыми, сияющими. И последний акцент — оранжево-красный удар заката и этим же тоном мелкие-мелкие блики по верхушкам пенистых волн.

Солнце ушло за горизонт, но и работа моя закончена. Сейчас трудно сказать, получилось или нет. Завтра, при дневном свете, увижу это ясно.

Я положил пастель в планшет и, посмотрев на берег, заметил девушку со станции. В шортах и майке она бежала вдоль берега. Подбежала к самой воде, быстро скинула одежду и в едва скрывающем ее тело черном купальнике побежала в воду. Я сидел еще немного, глядя, как она то появляется на волнах, то исчезает между ними. Стало уже темнеть. Поднялся ветер, зашуршала жесткая трава на гребнях дюн.

Девушка выбежала на берег, быстро и хитроумно переоделась, не прибегая к помощи раздевалки, и снова в майке и шортах, одетых на голое тело, побежала дальше по берегу. Я долго смотрел ей вслед, пока она не исчезла в сумерках. Ну что же, пора домой. Жаркий день позади. Впереди звездная ночь.

3

Обычно я перед сном читаю, но сегодня не хотелось. Я выключил свет и лежа стал смотреть в окно на звезды.

Вполне возможно, что я никогда так и не узнаю, что это за девушка и где она живет. Но одно я знаю точно — прямо сейчас над ней тоже горят эти же самые звезды и летит вон тот самолет, помигивая огоньками на крыльях.

Березы за окном зашелестели в темноте. Если у нее открыто окно, то и она слышит шелест деревьев. И еще мне подумалось, что сейчас все, как в детстве: окно открыто, за ним тьма и звезды, шелестит листва и лает где-то далеко собака. Осталось только поезду пронестись за лесом и стихнуть вдали.

И тут я вспомнил ночные полеты своего детства. Как давно я не вспоминал о них! А было это так.

Мне семь лет. Я лежу в постели, смотрю в окно на звезды и прислушиваюсь к ровному шуму моря. Сегодня хорошая ночь для полета.

Я закрываю глаза и вижу себя выходящим в наш двор, окруженный соснами, иду босиком по росистой траве и поворачиваюсь лицом к своему дому. Так я стою

несколько мгновений, но вдруг чувствую, что пора, и развожу руки в стороны. На моей спине появляется невидимое мне странное снаряжение для полета, которое подчиняется моей мысли, а на руках я вижу подобие крыльев. Я начинаю подниматься в ночное небо. Подъем медленный и это для меня важно, так как я должен увидеть сверху крышу нашего дома и должен увидеть море, но не для того, чтобы проститься с ними. Нет. Они нужны мне как ориентир, к которому я поворачиваюсь спиной и смотрю теперь во тьму. Смотрю строго на юг, в сторону цели...

Я сжимаю кулаки и, почувствовав мощный рывок, тут же набираю чудовищную скорость. Ревущая тьма необозримых пространств несется подо мной и вокруг меня, и вдруг удар в грудь теплой воздушной волны, и я останавливаюсь высоко в небе. Я вижу теперь ясно свою цель. Я вижу Черное море. Оно блестит в лунном свете, качается подо мной, вздымается, дышит.

Я медленно опускаюсь на мелкие камешки берега, все еще хранящие тепло солнца. Бьют в берег волны, темнеет на фоне звезд гора, мерцают звезды...

Сегодня, спустя много лет, я вспоминаю свои ночные полеты детства. Вспоминается мне и то, что я никогда не возвращался назад домой. Это был всегда путь в один конец. Полеты эти для меня и сейчас тайна, и они вовсе не кажутся мне пустяком. Как много в них непонятного!.. Ведь воображение беспредельно, в мире фантазии все возможно. Так почему же я чувствовал на себе тяжесть снаряжения для полета, тяжесть, которая исчезала только при бешеной скорости? Зачем это было мне нужно?

И еще тайна: почему я, живя у самого моря, видя его каждый день, в ночных полетах избирал своей целью всегда одно и то же — другое, далекое море? Что я хотел там найти? Пытаясь понять, я снова вспоминаю стремительный полет и потом себя, сидящего ночью, в одиночестве, на берегу моря. Почему мне хотелось быть там ночью? Что я чувствовал при этом? Может, счастье? Или радость, восторг?.. Нет, я не чувствовал ни счастья, ни радости, ни восторга. Никто меня здесь не ждал, и я тоже никого не ожидал здесь встретить. Да и не думал я тогда ни о каком счастье, потому что к счастью может стремиться только тот, кто несчастлив, а детство у меня было счастливым.

Дети не задумываются над своими действиями, они все еще близки к животным, а вернее — близки к природе. Они живут глубинными импульсами, и я, будучи ребенком, не давая себе в этом отчета, подобно птице в долгом перелете к родному гнезду, следовал безошибочному внутреннему навигатору, подчинялся единому со всем живым Закону и точно шел к цели.

И я снова вспоминаю, как сидел ночью у Черного моря, видел волны, звезды, горы, но не видел больше себя самого. На этом берегу я уже не имел значения. Я растворился в мире, и значение отныне имел только весь мир.

На этом ночном безлюдном берегу я находил покой и чувство слияния, прозревая, что путь мой будет огромен, пролегать будет во тьме и промелькнет как один миг.

И пришел новый день. Горланит соседский петух, припекает щеку солнце, пробившееся сквозь занавеску. Шмель влетел в комнату, поносился по ней, стукнулся о стену и снова вылетел в окно.

Одеваясь, подумал: а не махнуть ли сегодня на рыбалку? Теперь я свободен. Сам себе хозяин. Да, сегодня повелеваю себе идти на рыбалку.

Решил было на завтрак приготовить салат, но увидел, что закончилось оливковое масло. Как это я вчера забыл его купить? Надо будет еще раз заскочить в магазин и заодно купить овсянку для прикормки. И сразу же на рыбалку.

Но планам моим не суждено было осуществиться.

Подходя к магазину, я увидел ту девушку, с вокзала. Она присела на корточки у двери магазина и что-то искала в своей большой сумке. Подходя к ней сзади, я увидел, как майка на ее спине приподнялась, джинсы приспустились, открыв взору черные кружевные трусики. С них я перевел взгляд на ее очень светлую тонкую кожу с едва заметными, словно разводы на белом мраморе, голубоватыми прожилками.

В магазине она оказалась в очереди сразу за мной. Никогда еще мы не стояли так близко. Я даже почувствовал ее пахнущее леденцом дыхание.

Из магазина она вышла сразу же за мной. Я хотел уже переходить дорогу, как вдруг услышал за спиной голос:

— Можно тебя на минутку?

Я оглянулся. Она стояла на ступеньках магазина с бутылкой молока в руках.

Глаза ее теперь были скрыты за большими солнцезащитными очками с красными и золотыми сердечками на темных стеклах. Мне показалось, что губы ее пытаются подавить улыбку, которая все равно проступала в напряженно подрагивающих уголках губ и округлившись щеках.

— Ты часто покупаешь молоко в этом магазине? — спросила она.

— Да, часто.

— А ты, — она встряхнула двумя руками бутылку молока перед лицом, словно разглядывая ее на просвет, — ты не замечал, что иногда оно бывает несвежее?

— Нет. Не замечал. Да и на крышке ведь всегда написан срок годности.

— А ты бываешь в Каугури?

— Бываю.

— А ты знаешь там рыжеволосую девушку-парикмахера?

— Я там вообще никого не знаю, — ответил я, приглядываясь к ней и пытаюсь понять, что это у нас за разговор получается.

— А если я покажу фотографию? Ты сможешь сказать, знаешь ты ее или нет?

Я разглядывал ее напряженные губы, пытающиеся подавить улыбку и цветные сердечки на очках. Отражение облаков и верхушек сосен на темных стеклах не давали мне возможности разглядеть ее глаза.

— Нет. В Каугури я никого не знаю, — сказал я.

— Совсем никого? — произнесла она с какой-то грустью в голосе.

Озабоченно-грустная складочка появилась между ее бровей.

— Никого.

— Ну что же, — сказала она после небольшой паузы, подняла с земли тяжеленную сумку и закинула лямку на плечо. — Очень жаль!

Последнее слово она произнесла с такой интонацией, что я вдруг почувствовал — от того, что я сейчас сделаю, жизнь моя может как-то измениться. Я вдруг увидел себя словно на распутье, в центре радиально расходящихся от меня дорог. И по одной из этих дорог уходила она с тяжелой сумкой на плече. По какой же дороге идти мне?

— Подожди! — окликнул я ее, догоняя.

Она обернулась.

— Хочешь, помогу донести сумку? — предложил я. — Она же тяжелая. У меня время есть. Никуда не спешу.

— Спасибо, что предложил, — радостно ответила она. — У меня второй день рука болит. Проснулась и чувствую, что болит. А ведь никто во сне меня не бил. Странно, с чего бы ей болеть?

Я подхватил ее сумку, и мы пошли по краю шоссе. Мимо нас изредка проносились машины. Стрекотали в разогретой траве кузнечики. Пахло свежескошенной

травой и какими-то цветами. Она шла чуть впереди меня. Голова опущена, золотая цепочка полблескивает на шее.

— Тяжелые сумки ты таскаешь с больной рукой, — заметил я.

— На целый месяц накупила. Про запас. Мало ли, вдруг заболēju. Кто мне тогда поможет? Я ведь сейчас одна живу. Это со вчерашнего дня нас двое, а до этого была одна.

— Это хорошо, когда ты не один, — согласился я, не совсем ее понимая.

— Это я про свою левую руку говорю. Вчера решила сварить суп, вижу, правой рукой ничего не могу делать. Вот, я левой руке и говорю — давай-ка, подруга, принимайся за работу. Лучок порежь, морковку потри. Она — ни в какую. Мол, не умею, отродясь такого не делала. Но я ее заставила. И что ты думаешь! У нее все получилось. Все она умеет. Так что ты знай, с левой рукой надо поостороже. А то норовит ни фиги не делать.

— Ты далеко живешь? — спросил я и почувствовал, что мне приятно говорить ей «ты», словно мы давно знакомы.

— Возле моря. Сейчас через лес пойдем. Так быстрее получится.

Она оглянулась, посмотрела на меня и вдруг заметила что-то за моей спиной.

— Смотри-ка, кто едет! — произнесла она, внимательно вглядываясь в даль.

Я оглянулся и увидел мотоциклиста. С треском и грохотом он приближался к нам по шоссе. Дорога вокруг него подрагивала от солнечного жара, и мотоциклист отражался в голубых, миражных лужах на шоссе.

— Скорее помаши ему рукой, — сказала она мне.

— Зачем? — удивился я.

— Да помаши же, а то сейчас проедет, и ты не успеешь.

Мотоциклист приблизился к нам, и я помахал ему рукой. Проезжая мимо, он улыбнулся и тоже помахал мне рукой.

— Кто это? — спросил я.

— Не знаю. В первый раз его вижу, — сказала она, сворачивая на лесную тропинку. — Вот по этой дорожке выйдем к моему дому.

— А... зачем же ему надо было махать? — удивился я.

Она оглянулась на меня и сняла очки. Теперь я увидел, что глаза у нее были темно-карие, и какие-то... жаркие.

— Ты разве не заметил, как ему это было приятно, — ответила она. — Представь, едешь ты по дороге, а незнакомый человек вдруг машет тебе рукой. Чувствуешь? Это же так здорово!

Идя следом за ней по лесной тропинке, я раздумывал над ее словами. Тропинка становилась все уже, и идти пришлось теперь друг за другом. Она шла впереди, а я за ней.

— Знаешь, что я тебе скажу, — сказала она, — вся эта литература, кино, поэзия — все это чушь.

— Неужели! — удивился я, огорошенный таким приговором всему, что так люблю. — А что же не чушь?

— Жизнь, — ответили она и полуобернулась ко мне. — Только одна жизнь не чушь. Вот ты помахал сейчас человеку рукой — и сделал в жизни что-то настоящее.

Пригибаясь под низкими ветвями, мы все дальше шли по тропе. Пятна света скользили по ее голым плечам. Пахло сосновой смолой и грибами. Она шла, чуть склонив лицо вниз, и смотрела себе под ноги. И тут только мне пришло в голову, что я ведь до сих пор не знаю, как ее зовут. Но только подумал об этом, как она, не оборачиваясь, сказала:

— Мы сейчас идем с тобой по дорожке, как Винни Пух с Пятачком. Я Винни Пух, потому что иду впереди. А если мы вдруг повернем назад, то ты станешь Винни Пухом, а я Пятачком. Но Винни Пухом быть лучше.

— Почему?

— Потому что если ты Винни Пух, то можно пометать о горшочке с медом.

Она отвела рукой ветвь калины, густо усеянную темными ягодами, и показала рукой на большой светлый дом, стены которого были увиты виноградом. Вокруг него высились сосны, за которыми сгустились прохладные лесные тени, в которых то тут, то там ярко горели ветви папоротников, озаренные косыми лучами солнца. Море шумело за соснами, оно было совсем рядом. Ветер доносил сюда его солоноватый аромат.

— Здесь я живу, — сказала она. — Вход в дом с другой стороны, там, где дорожка. А тут — дверь сразу на кухню. Забор с этой стороны мы с папой делать не стали. Нам нравится, когда выходишь из дома и перед тобой лес.

— Здесь хорошо! — сказал я, и по тому, как она посмотрела на меня, было видно, что ей приятно это слышать. — Красивый у вас дом!

— Я очень его люблю.

— Так ты с папой живешь?

— Да. Он уехал к другу, тоже писателю, в Норвегию. Скоро уже вернется. Для него я и хочу холодильник набить. Приедет и уже что-то есть.

— Твой папа писатель?

— Да.

— А я живу один. И тоже люблю свой дом... А как тебя зовут? Меня...

— Постой, — оборвала она, — давай не будем говорить друг другу наши имена. Здорово — не знать никаких имен. Ты скоро повернешься и уйдешь. И я скоро уеду. Зачем нам имена?

— Я могу так сразу и не уходить.

— Все равно, — сказала она, направляясь к дому. — В жизни все люди в конце концов уходят друг от друга. Разве ты это не заметил?..

— Еще бы мне не заметить!.. Давай я занесу сумку в дом.

Она отомкнула дверь, и я последовал за ней на кухню. Хоть и была она озарена солнцем, здесь было прохладно. Вдоль стен тянулись деревянные, добротные полки деревенского типа, уставленные горшочками, старинными бутылками и банками с приправами. Пахло свежемолотым кофе. Заметил на полках и старые книги, в том числе и томики Пушкина.

Я поставил сумку на стул и осмотрелся. За окном, почти вплотную к стене дома росло вишневое дерево, лучи солнца пробивались сквозь листву, и рваные блики света лежали на полу, на стенах, на голубой скатерти.

— Тут хорошо, прохладно. Хочешь чаю? — спросила она. — Смотри, какой у меня чайник!

Она достала из шкафчика медный чайник, погладила его, налила воду из крана, и поставила на электрическую плиту.

— Красивый! — согласился я. — Словно золотой.

— Особенно, когда свет на него падает. Я вообще люблю теплые тона. Единственное исключение — голубые лавочки у нас на берегу. Я замираю от их цвета. Это цвет неба, — она открыла холодильник и задумалась, поглаживая подбородок. — Чем же тебя угостить? О! Отлично! Есть вкусный сыр. Помидоры... Мы живем! Салат сейчас сделаем.

— Здесь у тебя так хорошо после этой жары. Чаю бы я попил. Давай помогу тебе.

— А чего тут помогать?

— Салат могу помешать.

— Нет, ты мне не мешай. Ты пока походи. Посмотри, что у меня тут есть. Жизни порадуйся, как говорится.

Чайник быстро вскипел. Мы сели за стол и сквозь пар, поднимающийся из чашек, взглянули друг на друга. Наконец я смог как следует разглядеть ее. Она тоже с веселым огоньком в глазах, с интересом поглядывала на меня.

— Кушай, не стесняйся, — сказала она, придвигая ко мне сыр и хлеб. — Давай будем весело звенеть ложками в стаканах. Так чай вкуснее. Полчаса назад я тебя совсем не знала. И вот пьем вместе чай.

— А я видел тебя и раньше.

— На станции?

— Не только. Однажды видел тебя в супермаркете в Каугури. И второй раз тоже там же, на автобусной остановке.

— Значит, привлекла твое внимание, — усмехнулась она.

— Да.

— Я часто чувствую, что люди обращают на меня внимание. Наверное, во мне есть что-то странное.

— Нет, не это.

— Неужели потрясла тебя своей красотой? Никогда не поверю. Или нет. Наверное, ты почувствовал мою тонкую душевную организацию.

— Как только увидел тебя, сразу же подумал, что здорово было бы познакомиться.

— Чего же не познакомился?

— Не умею так с ходу.

— Я тоже не умею, но вот видишь, сегодня всю работу за тебя сделала. Наверное, все твои планы порушила.

— Нет у меня никаких планов, — сказал я. — Я в отпуске. Думал на рыбалку пойти, но жарко сегодня. В такие дни не клюет.

— На рыбалку! — воскликнула она восторженно, намазывая масло на хлеб. — Я никогда не была на рыбалке, — произнесла, хитро прищурившись. — Возьми меня с собой. Я мешать не буду. Посмотрю, как ты ловишь.

— У меня есть вторая удочка. Можем вместе ловить.

— О, я буду ловить рыбу! А потом за домом мы сварим уху прямо на костре! — обрадованно воскликнула она.

— Если наловим. Бывает так, что за целый день ничего и не поймаеть, — заметил я.

Она вздохнула и посмотрела в окно.

— К сожалению, ничего не получится, — сказала она. — Завтра я уезжаю.

— Жаль, может, когда-нибудь в другой раз... Только знаешь, все-таки странно не знать, как тебя зовут. Все же у человека должно быть имя.

Она отпила чай и поставила кружку на стол, и тут только я заметил у нее на пальце тонкое серебряное колечко с голубым камнем.

— Меня зовут Лиана.

— Лиана?! — удивился я. — Никогда не слышал такого имени.

— Лиана — она, знаешь, обвиняется вокруг тебя, опутывает. Разве не чувствуешь, как я опутываю тебя?.. Шучу. Меня зовут Диана.

— Диана, — произнес я, прислушиваясь к звуку ее имени. — Дианка!.. Здорово!

— Да, именно так меня друзья всегда и звали.

— Звали?

— Все разъехались кто куда. И подруга уехала. Я, кстати, ушла с работы — со станции. Завтра уезжаю к ней в Англию. Хочется поскорее начать новую жизнь. Она живет с мужем в небольшом городке. Он у нее переводчик, а она у него — гений. Пишет, что для меня там работа найдется. Договорилась уже обо мне. Язык я знаю, и моя цель — устроиться в гостинице. Хочу там поработать консьержкой. А жить будем вместе.

— Это, конечно, лучше того, что у тебя на станции было.

— Дело не в этом. Я на станцию дворником устроилась, потому что книгу пишу. Главная героиня в этой книге работает дворником.

— Вот оно что!

— Да, писать надо только о том, что хорошо знаешь.

— О чем же твоя книга?

— В смысле сюжет? Я еще пишу. Книга называется «Кто-то влюбился в Клер». Название я придумала, когда мне десять лет было.

— Значит, о любви.

— Не только. Я решила устроить эксперимент. Эдакий хеппенинг. Создаю в своей жизни новую ситуацию, даю жизни идти своим ходом, наблюдаю за тем, что происходит, и пишу книгу о том, что мне открывается. Главная героиня книги — восемнадцатилетняя девушка. Она только что закончила школу, отец у нее писатель, уехал по делам. Ну, она и решила куролесить по полной программе. Устроилась дворником на станцию и пишет книгу о том, что с ней будет происходить.

— Ничего себе! Матрешка в матрешке. Значит, мы сидим сейчас, разговариваем и... это и есть твоя книга?

— Не совсем. Отбор материала все же остается. Все лишнее я отбрасываю. Кто знает, может, и наша встреча не имеет особого значения. Только будущее это покажет. Но метод интересный. Даже если ты сейчас встанешь и уйдешь, то и в этом может оказаться свой смысл, своя глубина и жизненная правда. Я не знаю, что произойдет дальше в моей жизни. И поэтому мне интересно жить. Я не знаю, что произойдет дальше в моей книге. И поэтому мне интересно писать ее. И то и другое — приключение.

— Это похоже на игру. Но играешь ты с людьми. Не думала об этом?

— В том-то и дело, что я не играю. Я все делаю искренне. Я говорю сейчас с тобой только потому, что ты мне интересен. Все всерьез. Это моя реальная жизнь, а книга — зеркало того, что происходит в моей жизни и душе. Не я пишу книгу. Жизнь ее пишет. А я только иду следом и записываю. Я не хочу ничего придумывать. Жизнь интереснее выдумки.

— И о чем же твоя книга?

— Как-нибудь расскажу. Гламура не будет. Да в жизни так и не бывает. Хеппи-энда не будет тоже. Так мне кажется. Жизнь учит нас, и учеба ее заключается в том, что она дает тебе пинка.

— Но ведь бывает и счастье.

— Именно пинками жизнь направляет человека к счастью. Каждый со временем понимает, что все, что с ним происходит, к лучшему.

— Это точно.

Я оглядел кухонные полки, покрытые темным лаком, и снова увидел среди аккуратных банок с вареньем, мукой и крупами томики Пушкина.

— Пушкин? Прямо тут на кухне? А говоришь, что поэзию не любишь.

— Пушкин... Он писал именно о жизни. И успел сказать абсолютно обо всем. Мы вот про имена с тобой говорили, но и об этом никто лучше него не сказал. Помнишь?

Что в имени тебе моем?

Оно умрет, как шум печальный

Волны, плеснувшей в берег дальний,

Как звук ночной в лесу глухом...

— Здорово! — сказал я.

— Еще бы! Он жизнь знал... Ну и как тебя зовут? — спросила она.

— Николай. Можно просто Ник.

— Николай, — она призадумалась, накручивая на палец прядь волос. — Ник — круче.

— Я не против.

Диана обвела взглядом кухню и спросила:

— Ну, как, нравится тебе у меня, Ник? Как тебе мои полочки?

— Уютные.

— Купила все эти баночки и на первой же написала — «Мармелад». У меня его тогда не было, но я считаю, что в доме обязательно должна быть баночка с надписью «Мармелад».

— Как у Винни Пуха.

— Нет, у него был горшочек с медом. У меня он тоже есть. А еще смотри, какая у меня книжка есть. С советских времен еще осталась. Называется «Книга о вкусной и здоровой пище». Люблю ее полистать, особенно, когда голодная. На-листаешься эдак и прямо-таки чувствуешь — наелась до отвала. Читать ее можно с любого места.

Диана достала с полки книгу и раскрыла посередине.

— Ты пей чай, сыр бери, не стесняйся... А я почитаю тебе. Так... что тут у нас? О, заливная осетрина! Смотри, что пишут: «Кусок осетрины (или севрюги, белуги) сварить с добавлением корней и охладить. Из бульона, полученного при варке рыбы, приготовить три-четыре стакана прозрачного желе. Готовое и процеженное желе охладить... М-м-м-м, у меня уже текут слюнки.

Диана сглотнула, вздохнула с грустинкой и понеслась скороговоркой.

— Сваренную рыбу нарезать тонкими кусками, уложить на противень так, чтобы вокруг каждого куска оставалось свободное место для желе. Куски рыбы украсить листиками зелени петрушки, ломтиками моркови, кружочками свежего огурца, кусочками крабов или раков, каперсами...»

— Да... Это можно читать как литературу, — сказал я.

— Только слюнями надо не захлебнуться.

— А жанр этот называется — научно-фантастическая кулинария.

— Ага. Купи завтра кусочек осетринки. Я приготовлю ее.

— А сыр вкусный. Я сегодня и не позавтракал толком.

— Бери-бери. Я еще порежу.

— Диана, а что ты вечером делаешь?

— Планы у меня очень простые — не иметь никаких планов. Но можно покататься на велосипедах.

— Давай покатаемся.

Подул ветер, закачались ветви деревца за окном, и солнечные пятна скользнули по кухонному столу.

— У магазина небось подумал, что я сумасшедшая, — лукаво прищурилась она.

— Нет, не подумал.

Она допила чай, поставила кружку на стол. Снова я увидел сжатые губы, в уголках которых угадывалась улыбка.

— Тебе будет со мной еще лучше, если ты будешь говорить правду, — сказала Диана. — Как же можно было не подумать такое обо мне! Тем более что я и вправду сумасшедшая.

— Хорошо, — улыбнулся я. — Всегда буду говорить тебе правду.

— Всегда? — усмехнулась она. — Так долго у меня никто еще не останавливался.

— А велосипед у тебя есть?

— Есть.

— Я приеду вечером.

— Приезжай. А я тем временем вещички соберу. На кухне повожусь. А кстати, что ты любишь?

— В смысле?

— Ну, из еды.

— Ты знаешь, я сам себе готовлю. Все такое быстрое, несложное. А люблю... Много чего. Вон, голубцы давно не ел, — листая книгу, сказал я.

— А овсяную кашку любишь?

— Не-е-е-ет.

— Это потому, что ты мою овсяную кашку не пробовал. Сделаю тебе как-нибудь. Она очень полезная. Вон Шерлок Холмс ел овсяную кашку и, видишь, какой умный стал!

— Хорошо, — сказал я, вставая. — Так я вечером приеду.

— Кстати, а где ты работаешь?

— Я художник... в рекламной фирме. Ну и... картины пишу, пастели делаю.

— А, понятно, — покачала она головой, — художников я всегда любила...

Выходя из кухни, я оглянулся и увидел, что она сидит и смотрит в окно. Какая-то чуть грустная. Хотя, может, мне это только показалось.

5

Солнце садилось, но было по-прежнему душно. Не перед грозой ли это? — подумал я, выкатывая вечером во двор велосипед.

Золото горело на стволах сосен, тонкая шелуха подрагивала на ветру, и роилась между стволами подсвеченная солнцем золотая мошкара.

Море тихо и ровно шумело за деревьями. Сделав глубокий вдох, я посмотрел на небо, оно было совершенно чистым. В его голубой гаснущей глубине парили чайки.

По той же дороге, по которой мы шли с Дианой, я подъехал к ее дому. Мы не виделись несколько часов, но я поймал себя на мысли, что мне хочется снова ее увидеть.

Проехав по лесной тропинке, я слез с велосипеда и подошел к дому. Постучал, потрогал дверную ручку, обошел дом, раздвинув вишневые ветви, заглянул в окно. Никого.

Я присел на остатки поленницы у сарая и прислонился спиной к нагретым солнцем доскам. Тишина стояла вокруг. Только время от времени несколько ворон перелетали с ветки на ветку и вздорили, борясь за право сидеть на самой верхушке дерева. Лучи солнца пробивались из-за деревьев и слепили глаза. Я закрыл их и тут же мысленно увидел Диану. Увидел очень четко и живо, как будто она и вправду стояла передо мной. Я не каждое лицо могу так четко представить, а ее увидел. Я смотрел на нее и думал, а что же она скажет мне сейчас? Если у меня такое живое воображение, почему бы не «услышать» ее слова. Я смотрел на лицо Дианы, но она не произнесла ни одного слова. Но я в первый раз увидел ее улыбку.

— Скажи мне что-нибудь, Диана?

Она молчала, и у меня появилось чувство, что для того, чтобы она мне хоть что-то ответила, я должен сказать что-то совсем другое.

«Я буду ждать тебя, пока ты не придешь», — сказал я ей мысленно.

И тут же подумал, как неожиданно и резко изменилось что-то в моей жизни. Еще этим утром я никого не ждал. Радовался отпуску, наслаждался себе под солнышком... И только подумал об этом, как лицо Дианы стало таять, терять четкость и скоро совсем исчезло. Открыл глаза и увидел старую яблоню посередине двора.

Одна из ее веток чуть покачивалась, словно соглашалась с чем-то и говорила — да, да, это так. А вот ветви сосен вокруг дома были неподвижны. Солнце садилось за деревьями, прямо перед моими глазами.

Яркая бабочка вылетела из темного проема сарая и полетела низко над травой, словно искала место, где могла бы сесть, и казалось, что нашла его, но нет, полетела дальше, пока не скрылась в лесу.

Дом Дианы темнел на фоне гаснущего неба. Свет заходящего солнца высвечивал только крышу и горел ярко-оранжевым отблеском в окне на втором этаже.

Мелькнула мысль: а может, она дома и просто не хочет мне открывать? Но похоже ли это на нее — прямую и порывистую. Кто знает, может, она прямо и порывисто не хочет меня больше видеть. Но только за что? Понять это я не мог, хотя видел всякое и перестал уже чему-либо удивляться. Поступки людей порой могут казаться странными, но объяснение им всегда есть.

Когда совсем стемнело, я разжег небольшой костер в кострище, выложенном округлыми камнями. У сарая валялось много обломков сосновых ветвей. Я разламывал ветви и каждый раз, когда бросал их в огонь, в темное небо взметались, кружась, искры.

Так, сквозь дым и искры я увидел Диану. Я и не заметил, как она подошла с пакетом под мышкой и действительно открыто улыбалась. Она была в белой рубашке, заправленной в такие же белоснежные широкие брюки.

— Я сейчас принесу колбаски, и мы их пожарим на прутиках, — сказала она. — У меня есть шампур, но на прутиках будет ближе к природе.

— Давай тебе помогу. Ты весь день сегодня меня кормишь и кормишь.

— Я все сейчас принесу, — ответила она, звеня в темноте у дома ключами.

Зажглось кухонное окно. Я видел, как Диана отрывает холодильник, что-то режет на столе, и вскоре перед нами на траве свет костра озаряет большую тарелку с колбасками, порезанным хлебом и сыром. Прихватила она с собой и бутылку красного вина.

— Голодный человек и от корочки хлеба счастлив, — произнесла она. — А у нас тут целый пир.

Мы нанизали охотничьи колбаски на прутики, они быстро зашкварчали в жару горящих березовых веток. Я налил в стаканы вино.

— Я предлагаю выпить за то, что мы живем, дышим, видим, слышим, ходим и даже можем мечтать, — сказала Диана. — Помню, у меня однажды невыносимо болел зуб и я поклялась себе тогда, что, когда он перестанет болеть, я обязательно выпью за это невероятное событие. Наконец я могу это сделать.

— Ты философ, — сказал я.

— Ты подожди, я сейчас две-три рюмочки выпью и потрясу тебя глубинами своей мудрости.

— Звучит интригующе, особенно сейчас, в темноте.

— Знаю, знаю... Для мужчин женщины — это так — игрушки, с которыми можно поиграть и бросить. Ну что же, у меня идея, — сказала Диана, откусывая со своего прутика кусочек колбасы. — Не обожгись, горячая... Так вот, предлагаю, когда мы напьемся, давай пойдём купаться на море.

— Не поздновато?

Диана так и осталась сидеть с открытым ртом.

— Что-то я не поняла. Ты что сейчас сказал?..

— Я говорю... не поздно ли.

— Чувак, будь молодым! Ночью, это в самый раз! Сегодня такая жара и море теплое. Я давно хотела ночью искупаться.

— Хорошая идея.

— Бери сыр, хлеб... Так, значит, ты художник. И работаешь в рекламной фирме. Это круто. Но я, между прочим, тоже художник и очень разнообразного профиля. Я потом покажу тебе свою коллекцию снимков.

— Это любопытно, — согласился я.

— Давай выпьем. Пусть в Англии у меня все получится. Видел сегодня мой пакет? Это подруга мне кучу классных шмоток дала для поездки. Твоего телефона я не знала, предупредить не могла.

— Когда ты уезжаешь? — спросил я, наливая вино в стаканы.

Диана пригубила вино и чуть прикрыла глаза, глядя на пламя.

— Я же говорила. Завтра. Подруга пишет, что пахать там приходится реально. Но этого я не боюсь, — Диана не сразу смогла установить пустой стакан на неровной поверхности среди травы.

— Смотрю я на себя и на других людей, и непонятно мне, зачем нужны все наши усилия? Даже эта Англия непонятно зачем нужна. Я все еще не знаю, зачем живу. И зачем живут другие люди, тоже не знаю. Вот и пытаюсь это выяснить. Просто, чтобы выжить? Это вроде как корабль потонул, все плывут, цепляются за обломки, друг за друга, и все для того, чтобы чуток еще протянуть, пожить еще немного. Как это неинтересно! Разве это может быть смыслом?

— Звучит грустновато, но ты, в общем-то, права. Поэт Иосиф Бродский однажды сказал: «Жизнь вообще печальная штука. Вы заметили, чем она заканчивается?»

— Дело не в смерти, а в том, чтобы до того, как она придет, человек был счастлив. Но не будем грустить. Давай о чем-нибудь повеселее.

— А если бы у тебя было много денег?

— И деньги тут ни при чем. Хорошо. Начала бы я путешествовать, но ведь знаю, однажды в какой-нибудь южной стране поняла бы, что и это не сделало меня счастливой. Я вижу это так же ясно, как будто это было уже в какой-то прошлой моей жизни. Вижу, как стою на какой-то узкой улочке у стены, разогретой пальцем зноем, стою совсем одна, ослепленная солнцем, на горячем ветру, синяя полоса моря, шелест пальм, даже вижу какого-то осла на склоне с обожженной солнцем травой... И я стою и не знаю, куда мне идти. Куда идти? Налево, направо, вперед, назад.

— Как куда, — улыбнулся я. — Назад в отель. Заказать martini со льдом, лечь в шезлонг у прохладного бассейна и...

Несколько минут мы просидели в тишине. Между нами потрескивало пламя костра, и ничего больше не было слышно.

— Что же тебе надо для счастья? — спросил я.

— Да вот сейчас мне хорошо, — сказала Диана. — Все очень просто — костер, хлеб, сыр, звезды...

— Мне тоже хорошо сегодня.

— А ведь кто-то сейчас сидит в ресторане, ест черную икру или лопает омаров на своей четырехэтажной яхте и вздыхает — эх, жизнь не удалась! То ли дело здесь у нас с тобой. Настоящее приключение! Подлинное чувство жизни! Какие эти богатые — бедные! Ты совсем не пьешь.

— Да я ведь особо и не пью.

— Тогда ты особенный. Этих художников я повидала на своем веку. Поэтов, кстати, тоже. Послала их всех! От всех них смоталась, живу тихо, спокойно и тут — блин! Опять художник!

— Так уж вышло.

— Да ладно. Ты на них совсем и непохож. Ты какой-то неправильный художник.

— А правильные какие? — ухмыляясь, спросил я.

— Все художники эгоисты. Но так должно быть. Это профессиональное. Каждый считает, что он лучше всех остальных. И все квасят. Каждый из них — гений. Блин! Куда деться от этих художников?!

— Не думал, что огорчу тебя этим.

— Да ладно. Говорю же тебе, что ты какой-то неправильный художник. Я и сама, как ты выразился, «особо не пью», но сегодня перебрала. Что я хотела сказать? — она сжала виски ладонями, и я только теперь заметил, что она действительно опьянела.

— Мне тоже с тобой хорошо. И говорить с тобой интересно. Но знаешь, что я тебе скажу... Самое важное, это не то, что люди говорят друг другу в жизни. То, что они говорят, малоинтересно. Настоящий диалог происходит не между людьми в жизни.

— А между кем? — спросил я и подумал: а ведь и правда, перебрала она сегодня.

— Настоящий диалог, только не прерывай меня, а то я потеряю нить... Так вот, настоящий диалог возможен только между персонажами в романе, который пишет писатель. Когда он описывает беседу двух или более людей, то он и есть все эти люди. А значит, он понимает каждого из них. А в жизни так не бывает. Каждый говорит свое, каждый не слышит другого, каждому интересен только он сам и его собственная история. А когда писатель пишет диалог, он задает вопросы и сам дает на них ответы. Он стремится прийти к какому-то смыслу, открытию. По крайней мере, пытается это сделать. В жизни, в беседе людей, не происходит движения к истине. Только споры. Каждый стоит на своем.

— Интересная мысль!

— Давай еще по глоточку, и идем на море.

Я налил вино, она встала, покачиваясь, подняла свой стакан и стала разглядывать его на свет костра.

— Я бы многое могла сказать, — произнесла она. — У меня есть, что сказать человечеству. Но я ничего не скажу. Что бы я ни сказала, меня не поймут.

— Но я же тебя понимаю, — сказал я и тоже почувствовал легкое головокружение.

— Ты понимаешь, — кивнула она. — Но когда я говорю что-то тебе, я все равно говорю это миру. А мир смотрит на меня с прищуром. Поэтому, нет, — она отрицательно поводила стаканом из стороны в сторону, — я промолчу.

Она залпом осушила стакан и бросила его на траву.

Костер уже догорал и не так ярко освещал ее, стоящую передо мной.

Она медленно вытащила рубашку из брюк и пуговку за пуговкой расстегнула ее до самого конца. Гаснущий свет костра выхватил из темноты ее загорелое тело, блеснула золотая цепочка в ложбинке на груди, но грудь ее оставалась скрытой свисающими полами белой рубашки. Руки опустились вниз, и она расстегнула брюки, и они приспустились наискось, с левого бедра чуть больше, открыв белоснежные трусики, казавшиеся особенно светлыми на фоне загорелого тела.

— Как я тебе нравлюсь такая? — спросила она с улыбкой.

Поднявшийся слабый ветерок развеял полы рубашки, приоткрыв ее грудь.

— Ты мне нравишься такая, какая есть, — сказал я, вставая, и подошел к ней.

— Какая же я есть? — спросила она, лукаво прищурившись.

— Ты белоснежно-загорелая.

Глядя мне прямо в глаза, она медленно покачала головой, опустила ее и, шагнув чуть вперед, прижалась ко мне, обхватив за плечи. Я тоже обнял ее, опасаясь, как бы она не свалилась в костер.

— Пойдем на море, — прошептала она решительно и быстро застегнулась.

Мы стояли, обнявшись в темноте. Костер совсем уже погас, и теперь, когда свет его не мешал, я видел влажный блеск звезд в ее глазах, ощущал ее мягкое, податливое тело и вдруг понял, что я совершенно счастлив.

6

Едва угадывая путь между ветвями, мы пошли по лесной дороге к морю. Я чуть придерживал ее то за талию, то под локоть, чтобы она не упала, ступая по выступающим из земли сосновым корням, и все время ощущал ее волосы, они то и дело касались моей щеки и пахли ночью, лесом.

— А у тебя есть друзья? — спросила вдруг Диана.

— Тоже разъехались.

— А пишет кто-нибудь?

— Нет, — и чуть помолчав, добавил: — Мне пишут только в ответ.

— Вот и у меня так же. Мы очень с тобой похожи, потому что мы оба с тобой дурачки. Как хорошо, что мы с тобой дурачки, ведь если бы мы были умными, то не встретились бы... Я теперь буду болтать и болтать, ты не обращай внимания. Я так долго молчала. Дома одна, на работе одна.

— Говори. Мне давно хотелось услышать твой голос.

— Ты знаешь, у меня очень тонкая душевная организация, — сказала она, и тут же раздался смешок в темноте.

— Я это почувствовал.

— Я верила, что ты это почувствуешь. Знаешь, я верю в судьбу. Если что-то суждено, то я хочу, чтобы это скорее произошло. Даже что-нибудь неприятное. Не люблю быть в подвешенном состоянии. Вот и сегодня я не пришла, думала, ты посидишь и уйдешь.

— Осторожнее, здесь большие корни.

Она споткнулась, но я успел поддержать ее. Мы остановились, Диана повернулась ко мне, и я снова обнял ее, за подбородок приподнял лицо и поцеловал в губы. Она приоткрыла их и языком коснулась моего языка.

Вокруг нас была полная тишина. Все замерло в лесу, мрак окружал нас.

— Мне однажды приснился сон, — прошептала она. — Мне приснилось много обезьян. Они дразнили меня, показывали на меня пальцами... Я стояла среди них и чувствовала еще кого-то рядом с собой. Нас было много. И мы были не люди. Мы были деревянными слонами с алмазными глазами. Обезьяны дразнили нас, а мы стояли, большие и сильные. И смотрели на них алмазными глазами.

— Целая картина. Нарисовал бы ее для тебя, но до твоего отъезда не успею.

Она пошла дальше, я взял ее за руку. Мы вышли на освещенную фонарями дорогу и стали подниматься по ней к морю.

— А когда ты уезжаешь?

— Ну, ты перебрал!.. У нас целая ночь. И завтра полдня. Жаль, конечно, что не схожу с тобой на рыбалку. И не успею приготовить тебе голубцы.

Я крепче приобнял ее за плечо.

— Ну и дорога! Что-то не припоминаю здесь этой ямки. О!.. — она показала рукой вперед. — Замечал этот дом?

Дом, на который она показала, я видел и прежде. Большой, старый, заброшенный, он стоял в самом конце дороги на вершине дюны. Свет фонаря едва пробивался сквозь сосновые ветви. Дом стоял во тьме, лишь несколько пятен света покачивались на стене с проступившей сквозь штукатурку дранкой, да посверкивала искорка света в осколке оконного стекла. Башенка дома угадывалась на фоне звездного неба.

— Какой старый дом! — прошептала Диана у самого моего уха, пахнув мне в лицо ароматом каких-то ягод, но каких — я понять так и не смог. — Ты знаешь, очень жаль старые дома. Что такое шестьдесят или семьдесят лет? Это семьдесят раз наступало лето, осень или зима. И все. Какая короткая эта жизнь!

— Я тоже иногда об этом думал.

— Когда-нибудь его снесут и построят что-нибудь новое. Но лучше бы ничего не строили, а оставили бы это место таким, каким оно было давным-давно, когда поднялся на эту дюну человек и решил, что построит здесь дом и будет в нем счастлив. Жаль, что мы никогда о нем ничего не узнаем.

— А нужно ли, чтобы о нас знали?

— Через сто лет нам с тобой уже ничего не будет нужно. Я и сейчас стараюсь, чтобы нужно мне было как можно меньше.

— Тогда надо просто жить и быть счастливыми. Прямо сейчас быть счастливыми.

— Прямо сейчас? — с сомнением произнесла Диана. — В этом доме? А он не развалится от нашего счастья?

— Дианка, — прошептал я ей на ухо.

— Мне нравится, когда ты так меня зовешь.

— Дианка! — я приподнял ее лицо за подбородок и поцеловал в губы.

В этот миг мне показалось, что время остановилось. Была только ночь, поцелуй и звезды над нами.

Дианка оторвалась от моих губ, стала ерошить волосы и прошептала:

— Сегодня, когда сидели у костра, ведь хорошо же было, правда? Все это лето, звезды и чувство, что вся жизнь впереди...

— Да, мне хорошо с тобой.

— Представляешь, а лет через сто кто-нибудь остановится у моего дома, такого же, полуразрушенного, как этот, и ничего знать об этом не будет. Он ничего не будет знать о том, что жила в нем девочка по имени Диана и что однажды она сидела возле костра с парнем, которого только что встретила на дороге, и было ей с ним очень хорошо. Я думаю сейчас о людях, что жили здесь. Ведь построили они свой дом у самого моря, на гребне дюны, чтобы жить здесь счастливо. Здесь тоже что-то было.

— Я понимаю тебя.

— Да? Мне пришла идея!.. Ты только запоминай. В книге, которую я пишу, не должно быть конца. Она не должна заканчиваться.

— Как же книга может не заканчиваться?

— Книга в самом конце придет к своему началу. Круг замкнется, и наступит вечность.

— Завтра я тебе напомню об этом, чтобы ты не забыла.

— Да-да, ты мне напоминай все стоящее, что приходит мне в голову. Тогда ты будешь не только героем моей книги, но и соавтором.

— Как думаешь, героям твоего романа не стоит зайти в этот дом? — спросил я, прижимая к себе Дианку и чувствуя, какая она теплая и нежная. — Мне кажется, что читателя захватит то, что произойдет дальше.

— Давай. Наша книжка пишется прямо на ходу. Вот интересно, неужели сейчас уже будет кульминация?

Мы приблизились к покосившемуся порогу дома. Справа от нас, под высокой елью, угадывались останки сгнившей лавочки.

— Вот там они сидели, — показала на лавочку Диана. — Ну, те, кто жили здесь. Выходили по вечерам, садились на лавочку и смотрели на закат, на людей, идущих мимо них по дороге к морю.

— А вон на тот балкончик любила выходить маленькая девочка, которая жила тут, — сказал я.

— Ты думаешь, тут жила маленькая девочка?

— Я чувствую ее.

— А где же балкон?

— Видишь, на втором этаже сваи торчат из стены. Там был балкон, только он обвалился.

— Интересно, с этого балкона была видна река?

— Наверное... А за этим окном на первом этаже, это по трубе видно, была кухня. По вечерам они собирались на кухне, ужинали, окно было открыто, горел свет, и отблески его падали на листья яблони. Смотри, какая замшелая, такая же старая, как дом. Может, и ее посадила маленькая девочка, о которой теперь и памяти нет.

— И слышали они то, что слышим сейчас мы — шум моря.

Диана стояла передо мной, я обнял ее сзади, все еще не решаясь коснуться ее груди. Она повернулась ко мне и тоже обняла меня. Хотя, не знаю — может, просто обхватила за плечи. Она не очень твердо стояла на ногах. Я склонился и поцеловал ее в грудь, губы сразу же сквозь рубашку почувствовали возбужденный, крепкий сосок.

— Дианка-Дианка!.. — прошептал я ей на ухо.

— Нравится, когда ты так говоришь. Когда плохой...

— Хочу быть с тобой очень плохим...

— Хочу быть твоей Дианкой-Дианкой...

Я прижал ее к себе, руки мои не могли остановиться на ее теле. Она окончательно свела меня с ума.

— Да, я твоя Дианка, — шептала она мне в лицо и, потянув за руку, глухо сказала: — Я хочу тебя... Зайдем туда...

Все еще не выпуская моей руки, она стала подниматься по скрипящим ступеням, и вдруг послышался треск. Все еще не понимая, что происходит, я увидел, что она уходит куда-то вниз. Я едва успел подхватить ее за талию. Было темно, и я, наклонившись и все еще придерживая ее, на ощупь понял, что нога ее по колено провалилась сквозь прогнившее дощатое перекрытие.

— О-о-о-!.. — простонала Дианка, хватаясь за меня. — Подожди, сейчас я вытащу ногу. Только не отпускай меня!..

— Сильно болит?

— Просто болит. Кажется, я ее подвернула. У-у-у!.. Ступать тяжело. Ой! Завтра же уезжать!

— Давай понесу тебя.

— Ты босоножку мою достань. Она там осталась. Нет-нет, я могу ступать. За-раза!.. Да, это была плохая идея. Я поняла, дом не пустил нас в себя.

Я достал из дощатого провала босоножку, стал надевать, но видно, как-то неловко надавил ей на ногу.

— Ой, да как ты надеваешь! Так ты меня еще больше травмируешь. Ты же должен мне надевать туфельку, как Золушке. Встать на коленочку и сказать: нет, я еще не волшебник, я только учусь...

— Не надо надевать. Так тебя понесу.

Я поднял ее на руки и пошел по дороге к ее дому. Она притихла, прижавшись щекой к моей шее. В темноте слышны были только мои шаги да шум моря.

Когда вошел в ее двор, Диана соскользнула из моих рук и встала на траву. Осторожно сделала несколько шагов.

— Ничего, просто ушиб. К утру полегчает. Ты меня только придерживай немного. Сейчас мне надо в первую очередь в душ. Это предел моих желаний. Потом посмотрим, что там с ногой.

— Лед есть?

— Есть, доктор, есть. Но сначала в душ.

И тут она повернулась ко мне и посмотрела в глаза.

— Ты уходить сейчас не будешь? — спросила она.

— Да куда я уйду. Я помогу тебе.

— Я что-то придумала. Устрою тебе ночку, которую ты во всю свою жизнь не забудешь.

— Эх, Дианка ты, Дианка! — покачал я головой.

— Ха, ты меня еще не знаешь. Что-то я придумала. Сначала я в душ пойду, потом ты. Ну а дальше увидишь.

— Заинтриговала... Ну, показывай, где тут у вас душ?

Пока Дианка мылась, я сделал нам по сэндвичу и заварил чай.

Прихрамывая, она вышла из душа, вытирая полотенцем растрепанные мокрые волосы. На ней был желтый халат, и вся она была похожа на веселого цыпленка.

— Ничего-ничего, зато сегодня будет классно!.. — напевала она. — И у нас есть бутылка водки. Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!..

— Какая тебе еще бутылка!

— Для примочки моей ножки, — напевала Дианка.

Глядя на нее сейчас, в тюрбане из полотенца, прихрамывающую и весело напевающую песенки, трудно было не понять, что она просто потрясающая девчонка.

— Давай теперь ты. А бутерброды с чаем будем лопать прямо в кровати, — весело сказала она и тут же сморщилась, неловко ступив на ногу.

Я мылся, разглядывая Дианкины баночки, кремы, шампуни, стоявшие на стеклянной подставке.

— Хочешь, моей щеткой зубы почисть, — услышал я ее голос через дверь.

Я мылся, и куча всяких мыслей крутилась в голове. Как жаль, что так все получилось. Так здорово все шло... Но об этом думалось как-то вяло. Я чувствовал ее за дверью, знал, что она сидит в кухне и сушит волосы. И от этой мысли становилось хорошо на душе. Чудная и сумасшедшая Дианка! Я никогда не встречал таких людей.

— Там есть синий халат. Тебе как раз будет. А одежду можно на веревку повесить во дворе. Проветрится на воздухе.

Я вышел из душа и, подойдя к Дианке склонился к ней и поцеловал ее в щеку.

— Дианка чистюлька, — сказал я.

— Да, я чиста перед законом, — согласилась она и, значительно подняв палец, добавила: — Я обещала тебе необычную ночь! Она у нас будет. Ничего, нога это фигня, по сравнению с целой вселенной. Ты как, готов к приключению?

— Готов, Дианка.

— Тогда я покажу тебе сейчас нашу постель. Но сначала посмотри: видишь, на стиральной машине простыни, наволочки. Все это потом принесешь. Подушки на диване в гостиной. А теперь можешь меня понести, я скажу, куда идти.

Я взял Дианку на руки, комочек живой вселенной, теплый и легкий...

— Неси во двор, да-да, вот так. Тут осторожно, чтобы я башкой не стукнулась... И теперь прямо в сад, прямо за яблоню. Вон за ту, большую. Кстати, кругом тут вишневые деревья, вишен завал.

— Куда мы идем? — спросил я Дианку.

— На ложе любви... Что, страшно стало? А вдруг я вампир. Сейчас кровь из тебя сосать буду. Сейчас, голубчик, я тебе устрою Дианку-Дианку!..

— Соси, — сказал я и, замирая — в этой темноте мне сейчас все казалось возможным, — придвинул свою шею к ее губам.

— Смотри-ка, смеленький попался, — рассмеялась Дианка. — И вкусенький. Шейка вкусенькая. Но ладно, спешить не надо. Вся ночь впереди.

Я сделал еще несколько шагов за яблоню, едва виднеющуюся в темноте, и остановился пораженный. Ну, никак я не думал увидеть то, что оказалось перед нами. В середине сада, прямо на траве, стоял широкий двуспальный диван.

— Ни фиги себе! — удивился я

— А ты думал! У меня все серьезно. Приземляй меня на него и беги за простынями, подушками. Сейчас жарко, одеяла нам не надо.

— Как насчет компресса?

— Да, водку тоже тащи. В шкафу на кухне. Бинт там тоже есть. Ну и чаек там, бутербродики... Гуляем, чувак!..

— А что это за диван-то?

— А, мы купили новый диван, а этот решили на заднем дворе потихоньку сжечь. Да вот руки не дошли. И хорошо. На нем, знаешь, как здорово загорать!

К тому времени, когда я принес чай с сэндвичами, Дианка уже все застелила, сидела посередине дивана, вытянув вперед ножки. Почему-то подумалось, что когда она была маленькой, то так же сидела в своей детской кроватке. Захотелось узнать о том времени, когда была она маленькая.

— О чем думаешь? — спросила она, посмотрев на меня.

— Думаю о том, какой ты была маленькой.

— Такой же точно, как сейчас. Потом расскажу. Давай, иди ко мне. Смотри, что сейчас покажу! Но для этого лечь надо.

Я лег в халате поверх простыни рядом с Дианкой, чувствуя плечом ее плечо и теплую руку, и увидел над нами звездное небо!.. Было чувство, что мы парим над глубиной тьмы и сияния.

— Вот это Млечный путь, — провела Дианка рукой вкось по небу. — К сожалению, на этом лекция закончена, так как других звезд я ни фиги не знаю. Правда, знаю еще Ковш, но его сейчас за деревьями не видно.

— Я тоже ни звезд, ни созвездий не знаю. В птицах, растениях тоже не особенно разбираюсь.

— И я.

— А может, и не надо этого.

— Конечно, не надо. Адам и Ева тоже ничего не знали, но именно им Бог доверил дать всему названия.

— Давай-ка сделаю тебе примочку, — сказал я.

— А чего, водку ты тоже принес? Смотри-ка, не забыл.

— Как же я забуду! Но сначала будет лед. Я его у вас тоже в холодильнике нашел.

— Ну, лечи, лечи, — произнесла Дианка блаженно, устраиваясь поудобнее на диване. Она лежала под простыней и только отбросила ее край, открыв всю ногу.

Я коснулся рукой ее ноги... Как она прекрасна!.. До чего же она красивая!

— Доктор, у меня болит гораздо ниже, — сказала Дианка.

— Да-да, больная, я чуть отвлекусь... Сейчас мы вас вылечим.

Я наложил ей на лодыжку пакет со льдом и сидел так, время от времени перемещая его, чтобы везде доставал холод. Я почувствовал, как она коснулась моей руки, спины...

— А ты крепкий, — сказала Дианка. — Небось, спортом занимаешься.

— Раньше занимался.

— Небось, восточные единоборства. Какая-нибудь там «школа пьяного ежика».

— Вроде того.

— А у меня... Ты не думай... А у меня черный пояс по Камасутре, — сказала Дианка. — Да-да, вот подожди, сейчас боль утихнет, я покажу тебе свой стиль.

Она чуть заворочалась, попробовала приподняться, но поморщилась и снова откинулась на подушку.

— Смешная ты. Полежи спокойно.

Она чуть помолчала и спросила:

— Ну, как там нога?

— Припухлость еще есть. Болит?

— Когда тихо лежу, то не очень. Мне обязательно завтра нужно быть на ногах.

Я наложил ей на ногу спиртовой компресс и некоторое время просто смотрел на Дианку. Она тоже молча смотрела на меня.

Интересно, о чем она думала? Я — так вообще ни о чем не думал. Тьма, тишина, неподвижные звезды, запах травы — все это так кружило голову. До этого момента я все куда-то шел, что-то делал, над чем-то размышлял, и вдруг все замерло. Есть только это мгновение. И вдруг как открытие — да это же и есть вечность! Никакого времени нет. Кто навязал нам это наваждение. Вот мой вдох, вот выдох, но при этом я остаюсь в одном и том же мгновении... Не время идет через мир, но мир движется сквозь вечное и нерушимое мгновение...

— Снимай халат, — сказала Дианка чуть глуховато и потянула меня за рукав, — залезай ко мне. Что-то холодновато стало.

Под простыней я обнял Дианку, поцеловал в губы, лаская рукой ее грудь. Я случайно коснулся ее колена, и она снова чуть поморщилась.

— Извини! — сказал я.

— Смешно... Мы как два дурачка так лежим с тобой, — тихо сказала она с улыбкой. — Что ты хочешь? Скажи...

— Тебе сейчас стоит просто лежать.

— Знаешь, из древнего вспомнилось. Раньше так двое лежали на ложе, а между ними лежал меч. И из-за этого меча они не могли притронуться друг к другу. Только не помню, для чего это им было нужно.

— Им это не было нужно. И нам не нужно. Но меч лежит... Ничего, вот поправишься, и я тебя наконец растерзаю.

— Да-а-а, нечестно!.. Я тогда уже буду далеко.

Я поцеловал Дианку в теплое плечо и вдохнул аромат ее волос.

— Разве это далеко. Вон где далеко, — показал я рукой на звезды.

— Иногда бывает далеко, даже когда два человека рядом.

Я почувствовал, как рука ее коснулась моих волос.

— Что ты будешь делать в отпуске? — спросила она.

— Как обычно.

— А что обычно?

— Рисовать, гулять...

— Как ты гуляешь? — спросила она.

— Катаюсь на велосипеде. У меня много любимых мест, где я люблю бывать один. Хотя я и так один. Дело не в этом. Просто есть места, где мне хорошо.

— Почему же ты один?

— Я говорил, что друг уехал. А с любовью... Те, кого я встречал, понятия о любви не имели.

— А что это у тебя за любимые места? — спросила Дианка.

— Их много.

— Расскажи про какое-нибудь.

— Самое ближайшее — на берегу моря, туда... чуть дальше к маяку. Там очень хорошо, спокойно. Голубая лавочка, вокруг заросли ивы, перевернутая лодка на песке. И прекрасный вид на закат.

— Таких мест много по берегу. И лодки есть, и заросли...

— Это объяснить трудно. Любимые места — это как любимые люди. Людей ведь тоже много, но не со всеми же нам хорошо... Но я бы хотел что-то узнать про тебя...

— Тебе это действительно интересно?

— Да, очень.

— Сначала поцелуй меня.

— Да, я уже так давно тебя не целовал.

Губы Дианы раскрылись под моими губами, как темный ночной цветок.

— Хорошо, — сказала Дианка, — когда я оторвался наконец от ее губ, — я раскрою о себе один секрет, но ты никому ни слова.

— Обещаю.

— Тебе тогда станет ясно, почему я работала дворником какое-то время.

— Но ты же говорила, что пишешь книгу.

— Нет. Тут совсем другое, — и, придвинувшись своими губами к моему уху, прошептала: — Все дело в том, что я сотрудник спецслужб североатлантического блока НАТО.

Я закашлялся, быстро привстал, а Дианка со смехом стала постукивать меня по спине.

— Ну, ты даешь! — едва переводя дух, сказал я.

— Да я же пошутила. Но, правда, прикольно!

— Да уж!.. Хорошо, что не в момент секса это было сказано, я бы точно стал импотентом. Хотя целовать в губы НАТО — это тоже, я тебе скажу, не шуточки.

— Я решила тебя чуть повеселить, разрядить обстановку, а то мы что-то загрузили... Давай ложись назад.

— Хорошо, — сказал я, снова ложась рядом с Дианкой, — ты мне свою тайну открыла. Теперь я тебе свою открою.

— Давай, я готова. Наверное, что-то страшное и ужасное.

— Но только я не шучу, это правда. Не знаю, почему сразу не сказал.

— Давай, не томи. Говори уже...

— Дело в том, Дианка, что я работаю не в рекламной фирме.

— А где же? — прошептала она, со страхом расширив глаза.

— На майонезной фабрике.

— Ой, — взвизгнула Дианка так резко, что проснулась какая-то ночная птица и, как мне показалось, упала с ветки, потому что было слышно ее шуршание вниз по стволу. — Ой, не могу!.. Хорошо, что ты это сказал не в момент секса!.. Парень с майонезной фабрики!.. О-о-о-о-й, не могу!

— Ну чего тут смешного?

— Это правда, что ли?

— Ну да.

— Во повеселил!

Дианка заворчалась у меня под боком и придвинулась поближе.

— Ты же говорил, что художник.

— Да, художник. Шесть лет учебы в художественной школе. Шесть лет в Академии искусств. Картины, выставки, все это было, но в какой-то момент произошел... как бы это сказать?.. Кризис цели, что ли. Будучи в состоянии делать очень хорошие работы, я перестал понимать, зачем я это делаю. Раз я не могу продать свои работы, то я не могу на это жить. Так уж получилось, что я не торговец, а

людям ничего этого сейчас и не нужно. А жить-то надо, счета-то приходят. И кушать иногда хочется. И тогда я подумал, наверняка есть же где-то человек, который сможет понять, что на мне можно сделать бабки.

— Это ужасно, — прошептала она.

— И такой человек нашелся. Он сделал на мне много бабла. Ну а мне платил самую малость, чтобы с копытков не свалился. Ему одному оказался я нужен. Вот это и была моя работа в рекламной фирме. И продолжалось это пару лет. Ну а потом кризис, дела вести стало невыгодно, он и прикрыл фирму. Так я и оказался на бирже труда.

Дианка ничего не говорила, тихо лежала рядом.

— Смотри, спутник летит, — показала она в небо.

Я посмотрел и тоже увидел его. Медленно, бесшумно он скользил среди звезд. Я лежал, слыша в темноте дыхание Дианки, чувствуя ее тепло, и думал, до чего же невероятно вот так лежать и смотреть на звезды. Она права, такое забыть нельзя. Да и саму Дианку можно ли забыть!.. Как странно будет жить, когда она уедет.

— И что потом было? — спросила она.

— За свет огромный долг тогда накопился. Подумал, почему бы мне на фабрике не поработать. Но, как ни странно, тогда-то я и начал снова рисовать. Уже не для того, чтобы продать или выставить где-то. Об этом и не думал. Просто мне нравилось уединяться в своих любимых местах и рисовать. И делал это для своего удовольствия. Заклучалось оно в том, что делаю я это просто так. Я вдруг понял, что все самое ценное, все самое подлинное происходит просто так. Летят облака, шумит море, веет ветер, я делаю вдох, делаю выдох. Я не думаю об этом. Вот и рисую я так же. Это просто происходит. Нет цели, нет смысла, но появилось главное — чувство жизни. Наслаждение доставляет сам процесс. Сами работы не так важны. Сделал и забываешь о них. Иногда даже оставлял работы приколотыми к лавкам у моря. Вдруг, думаю, кому-нибудь понравится. На следующий день их уже не было. Хочется верить, что не ветер их сорвал.

— Иди поближе, — сказала Дианка.

— Да я и так близко.

— Нет, ты возмись в меня... Да, вот так.

— Дианка, когда же мы спать будем?

— А ты хочешь?

— Нет.

— И я не хочу. Я сова, я могу всю ночь не спать.

— И я могу всю ночь не спать. У меня частенько были смены по ночам.

— Спать я буду завтра. Сяду в автобус и до самой Праги буду спать. А не захочется спать, буду писать. У меня есть идея рассказа про Ван Гога. Думаю, может интересно получиться.

— А что за идея?

Дианка дышала у самого моего уха. Млечный путь чуть сдвинулся в небе, словно искрящаяся дымка, отнесенная ветром. А мы лежали с ней на большом диване, в середине сада, и неподвижные ветви вокруг нас закрывали крупные звезды.

— Я свои замыслы вообще-то не рассказываю, но тебе, пожалуй, расскажу. Мне интересно, что ты об этом думаешь. Я вкратце, самую суть. Главный герой — художник. Ему лет сорок, он очень общителен, любит компанию, но не болтлив. Любит для своих друзей-художников устраивать вечера в саду у своего загородного дома. Большой сад, беседка, жарятся шашлыки, льется в бокалы вино, и идут интереснейшие разговоры о жизни и искусстве.

В один из таких вечеров зашла речь о том, как тяжело порой добиться признания, но все сошлись во мнении, что время все ставит на свои места и пусть и посмертно, но заслуженная слава рано или поздно все равно приходит к художнику.

В связи с этим упомянули о Ван Гоге. Справедливость, мол, восторжествовала, и его художественный гений признан.

Герой рассказа слушал их молча, попивал вино да иронично смотрел на своих друзей. Они почувствовали, что он не согласен с ними и спросили его, что он думает по этому поводу.

Тот помолчал, отпил еще вина, было заметно, что он чуть опьянел. Этим и объяснялась резкость, прозвучавшая позже в его ответе.

— А что Ван Гогу с того, что его работы продаются за миллионы? — сказал он.

— Но ведь, если бы сделать допущение, что он ожил и узнал о своей славе и признании, разве не был бы он этому рад? — заметил один из друзей. — Разве и он не посчитал бы, что справедливость восторжествовала?

— В том-то и дело, — ответил хозяин дома, — что допущение это нелепо и невозможно. Он никогда не оживет. И слава Богу. Потому что он не узнает, что его страдание, его одиночество, отчаяние и сумасшествие стали теперь брендами, товаром, как и само его имя, и приносят теперь огромные прибыли. Он голодал, но те, у кого теперь есть его картины, голодать не будут. Он был в отчаянии, что не может продать ни одной картины, но те, у кого они теперь есть, могут сделать это с легкостью, наживая все больше и больше денег. Неужели это непонятно... Вот в ваш дом стучится путник, он голоден, замерзает, ему нигде преклонить голову, некому помочь ему, но мы не пускаем его в наш дом. Но проходит время, то самое, которое у вас все расставляет на свои места и восстанавливает справедливость, и вы открываете ему дверь. Но только путник уже мертв. Он замерз, умер от истощения и голода. И мы теперь заносим его в дом, обнимаем, показываем, как любим его, вон сколько еды есть для него, вон сколько тепла, сколько заботы и внимания... Если бы он ожил, говорим мы, он бы очень обрадовался, что справедливость восторжествовала... Все это ерунда. Ван Гог в нашем мире — товар, бренд. Его используют, на нем наживаются. А если бы он действительно ожил и появился в нашем мире, то произошло бы то, что описано в «Великом инквизиторе» Достоевского. Он оказался бы не нужен. Его появление совсем некстати и лучше бы ему вернуться в свое небытие. Ты свое дело сделал. Спасибо! Спи спокойно. Дальше мы тут сами...

Дианка замолчала, приподнялась на локте и спросила:

— Ну, как тебе такие мысли?

— Дианка, здорово! Я не задумывался в таком плане, но тут много правды.

— Но это еще не конец. У рассказа есть продолжение... О, смотри, летучая мышка, а вон еще...

И вправду, трепеща крылышками, подобно большим ночным бабочкам, летучие мыши носились над садом, над лесом. Лучше всего они были видны на фоне облака, разлитого в полнеба. Подобное гигантскому птичьему перу, оно было подсвечено луной, поднимавшейся из-за леса.

— Летучие мышки бросаются на белое. Не накинуть ли нам пледик на нашу простыню, — хихикнула Дианка.

— У меня во дворе точно такие же мышки. Это очень славные зверушки. Я их не боюсь.

— Ну, ладно.

— Так что там дальше у тебя было?

— Дальше — самое главное. Вся соль рассказа будет дальше. Только бы это написать...

— Рассказывай...

— А дальше... Было уже за полночь, друзья разъехались, и он лег спать. И снится ему сон... Стоит он на какой-то безлюдной улочке, вокруг ни души, озаренные солнцем стены домов, шумят на ветру кипарисы... Он смотрит вокруг себя и, к своему

удивлению, чувствует, что все вокруг очень знакомо. Где-то он уже все это видел. И поле, залитое солнцем, и женщину с корзиной, идущую в конце улицы в голубой тени. И тут он вдруг понимает, это приходит к нему, как озарение, он понимает, что это Арль! И где-то здесь... Ван Гог! Он может оказаться на соседней улице, он может выйти из любой двери. Любой человек, идущий ему навстречу, может оказаться этим великим художником. Как же ему захотелось оказаться рядом с ним, ощутить рядом с собой это чудо. С какой радостью он обнял бы его, пожал руку... Да что там, прижал бы к своей груди как брата, дал бы денег, помог, не бросил бы...

Он пошел бродить по улочкам городка, вглядывался во встречные лица, но нигде его не видел. Он спрашивал о художнике у людей (в этом сне все его понимали и он понимал всех), и ему сказали, что тот совсем недавно был здесь... Только-только проходил здесь... Да вон он, кажется, идет в конце дороги... Но каждый раз это оказывался совсем другой человек.

Долго он так бродил и под конец дня, когда солнце уже зашло и стало смеркаться, совсем выбился из сил и решил где-нибудь присесть. Он увидел перед собой кафе, которое было знакомо ему по картине «Ночное кафе», но лавки были не заняты, было пустынно на террасе. Он прошел под навесом и, толкнув дверь, вошел в бар, с маслянисто-желтой лампой, горящей над зеленым сукном бильярдного стола, с барменом за стойкой, с тревожно-красными стенами. Тревога и тоска охватили его сердце. И эта биллиардная, наполненная давящей, безысходной атмосферой, тоже была ему знакома. Нет, сидеть здесь он не может. Скорее на воздух!.. Эти липкие столы, угрюмые пропойцы за столиками, какие-то шлюхи в нелепых шляпках, к которым и притронуться противно, все это ему претило, вызывало чувство омерзения. Это чувство достигло апогея, когда кто-то ввалился в зал, пройдя так близко за его спиной, что чуть не навалился на его спину. Он почувствовал запах алкоголя и немытого тела, брезгливо посторонился и быстро вышел из зала. Когда дверь за ним закрывалась, он услышал слова бармена:

— Добрый вечер, месье Ван Гог!

Он замер при этих словах, быстро обернулся к двери, дернул ее за ручку, но дверь не открывалась. И он понял, что бесполезно пытаться открыть ее. Она больше никогда не откроется...

Я с минуту лежал, думая о том, что рассказала Дианка, слотнул подступивший к горлу ком и сказал честно:

— Дианка, потрясающе! Мне очень нравится!

— Я это не придумала. Мне это самой однажды приснилось. Вместо этого художника во сне была я. Это я брезгливо посторонилась... А когда проснулась, серьезно задумалась, что же это я за человек такой... Способна ли не посторониться, а действительно обнять того, кого стоит обнять, в каком бы положении он не оказался? Такие Ван Гоги, только с другими именами и другими судьбами, были, есть и будут. Вот и вопрос: как не пройти в мире мимо такого человека? Как брезгливо не посторониться?.. А я во сне это сделала. Значит, я способна на такое.

— Мне нравится рассказ. Уверен, что ты здорово напишешь.

— В дороге буду писать. Но это так, побочная тема. А основная моя мысль — хеппенинг. Моя работа дворником — мой первый опыт. И я оказалась права. Много что произошло тогда.

— И что произошло, когда ты работала дворником?

— А вот что... Посмотри только, как там нога. Может, еще льда положить?

— Да, давай повыше поднимем. Мне кажется, что спадает отек.

— Дай Бог! А то так не вовремя все это... Что я хотела сказать... А... Как я и думала, этот метод оказался верным и дал самый неожиданный результат. Как ты думаешь, что может видеть девушка, подметающая улицу? Проработав несколько дней, я увидела кое-что очень любопытное, что не замечают другие люди.

— Дай-ка угадаю... Ты увидела грязный тротуар... Шучу. Наверное, встречи какие-то были или происшествия... Разговоры какие-нибудь... Дианка, я не знаю, что может увидеть дворник.

— Ты угадал в самом начале. Дворник видит тротуар, на который не особенно обращают внимания люди, спешащие по своим делам. Но дело не в том, что он грязный, а в том, что он покоробленный, в трещинах, по крайней мере, в том районе, где мне приходилось работать. После дождя, когда тротуар подсыхает, в трещинах все еще сохраняется влага, и она образует невероятно красивые фактуры. В них можно угадать и деревья, и животных, и горы... Массу вещей можно было увидеть на этих тротуарах. Я начала брать с собой фотоаппарат и снимать все самое интересное. Снимки получились невероятные! Это такой, я тебе скажу, стрит-арт! Я решила поместить снимки в сети. Но я ведь понимаю, что это такое — вылезти со своими фотками. Никому не нужны ни я, ни мои фотки. Что делать, такая уж эта се ля ви. Но мне пришла в голову идея, что те же самые снимки пойдут на ура, если подать их не как мои, а как работы великого японского фотографа. Я назвала его — Усюду Подногами. Потом подумала и оставила только Усюду, чтобы вычислить стеб было сложнее. Как видишь, со смыслом имя. Сделала сайт, разместила фотки, написала биографию, начиная с детства маленького Усюду и до наших дней. Ты не представляешь, какой был успех! Все просят побольше информации, а то они не могут ничего нарыть о нем в сети. Я написала, что он прячется, как и художник стрит-арта — Бэнкси. Что информации о нем действительно нет. Такой уж он загадочный. А сама о нем узнала от знакомой японки, с которой, якобы, переписываюсь... Об этом я и стала писать книгу. Подмечает себе девчонка улицы, фоткает, и растет слава Усюду. Местные чуваки начинают носиться с мыслью об организации его выставки в заброшенном пакгаузе. И тут моя героиня встречает тебя. Новая линия пошла. И тоже очень интересная.

Дианка засмеялась и прижалась ко мне.

— Ты действительно выдумщица, — сказал я. — И врушка.

— Еще какая! Все писатели вруны.

Я лежал на спине, обнимая ее за плечо, голова ее лежала на моем плече. Я чувствовал ее легкое дыхание на своей шее. Где-то за нашими головами, над морем, что-то сверкнуло. Гроза, что ли?

— Спишь уже? — спросил я.

— Нет, — прошептала она. — Что ты хочешь рассказать?

— Откуда ты знаешь?

— А вот чувствую.

— Хотел тоже рассказать тебе об одном своем сне. Когда он мне приснился, окончательно понял, что сны — загадочная вещь.

— Конечно, загадочная! Расскажи...

— Мне приснилось, что я сижу в небольшом зале со сценой. Что-то вроде студенческого театра. В креслах зрители, представление скоро начнется, и тут открывается дверь и появляется знаменитый актер Олег Табаков. Становится как-то понятно, что он приглашен как почетный гость и пришел посмотреть на творчество молодых... Спектакль закончился, все встают. Поднялся со своего кресла и Олег Табаков. Когда он проходил мимо меня, я услышал его слова. Они поразили меня! Я еще подумал во сне: как здорово он сказал! Вот что значит — мастер! И еще подумал: мне бы такое и в голову не пришло. Понимаешь, Дианка, я был во сне поражен словами другого человека и осознавал, что до такого додуматься бы не смог.

— Что он сказал? — спросила она и сжала мое плечо.

— Он сказал... Ну, знаешь, своим незабываемым голосом, с такой, чуть ленивой протяжкой: «Ну что же, в пьесе чувствуется избыток... отсутствия таланта».

Дианка засмеялась, уткнувшись носом в мое плечо.

— Разве плохо сказано? — спросил я.

— Нет, это великолепно. Я бы сказала парадоксально.

— И теперь вопрос: кто же это сказал в моем сне? Точно не я. Я слышал эти слова не как что-то обдуманное мной, а как слова другого человека, осознавая при этом, что это точно, никак уж не мое.

— Кто знает, Ник, где странствует наша душа, когда мы спим. Может, в каких-нибудь других измерениях. Не стоит об этом думать. Мне хорошо и в нашем измерении.

Я почувствовал, как она смотрит на меня в темноте, приблизила лицо к моему и, касаясь губами щеки, тихо сказала:

— У меня уже не болит нога. Иди ко мне... Я хочу...

Тьма, ее разогревшееся под простыней тело и частое дыхание у самого моего уха... Все время я лежал, глядя на звезды и теперь, закрыв глаза, снова видел их. Мы слились с Дианкой, я не понимал, где я, где она... Или нас не стало вовсе в этот миг, острый, резкий, как внезапный крик ночной птицы... Тяжело дыша, слившись в поцелуе, мы снова услышали пение птицы в ночи.

Диана, кажется, заснула, она лежала тихо, неподвижно, а я легко поглаживал ее бедро. Да, она спала. Я лег на спину и взял ее за руку. Так мы и лежали на спинах, держа друг друга за руки.

Чуть прикрывая глаза, я снова ощутил чувство парения над звездной бездной. Словно мы с Дианой, держась за руки, летели сквозь тьму, в звездный свет, и конца не было нашему полету. Вот она какая, вечность, подумал я. Я наконец понял, что это такое. Я почувствовал это, ясно увидел как что-то самое главное, как предельное откровение, доступное нашему пониманию.

В полусне Диана что-то шепнула, но листва сада зашелестела на ночном ветру, и я не расслышал ее слов.

— Что? — переспросил я, склонившись над ней.

— Дыши, — произнесла Дианка, и я ощутил тепло ее дыхания.

Я снова лег, сделал глубокий вдох и, засыпая, почувствовал, что счастлив.

8

Утром Диана сделала мне свою овсяную кашу. Оказалось, что это очень даже вкусно. Она добавила ложечку клюквенного варенья, без конца вставала, чтобы предложить мне то одно, то другое. Ноге ее действительно стало лучше. Отек спал, но мне все равно не нравилось, что она без конца вскакивает со стула.

Мы сидели на кухне в ее доме, в окне, перед нами, открывался вид на море. Сегодня оно было спокойное, волн не было.

— Здесь все так, как было в твоём детстве? — спросил я.

— Нет, с тех пор ремонт был. Стены были другого цвета, но в основном, конечно, все так же. Вон за той дверью зал. На втором этаже еще несколько комнат.

— А твоя спальня где?

— На втором этаже. Там почти все так же, как было в детстве. Из окна — вид на лес. Любила иногда по ночам смотреть в эту темноту. Особенно, когда сказок начинаюсь на ночь. Папоротники чуть покачиваются в лунном свете, что-то страшненькое мерещится между деревьями.

— А у меня за окном большие березы. Помню, всегда летом окно открыто, ночь, тишина и едва слышно листва шелестит. Нравилось мне вслушиваться в ночные звуки. Не так уж далеко мы живем с тобой, а вот не встретились. Жаль...

— Это в детстве, что ли? Да я уверена, что сто раз проходили мимо друг друга. Тебе сколько лет?

— Двадцать шесть.

— Ну вот, когда тебе было пятнадцать лет, мне было всего восемь. Пигалица мелкая бегала по берегу моря, неподалеку от тебя. Вот ты и не обращал на меня внимания.

Диана усмехнулась и отпила кофе.

— Все в жизни происходит вовремя, — произнесла она. — В положенное время. И все всегда правильно.

— Жаль только, что ты уезжаешь.

— Я же не на всю жизнь уезжаю.

— А как долго ты там будешь?

— Думала годик поработать. Английский хотела подучить, на практике. Читать-то я читаю, а с разговорным языком не так хорошо. Вот и появилась возможность. У подруги, она мне, в общем-то, как сестра, Янка ее зовут, так вот, у нее муж там переводчик. У него связи и с отелями есть. Он мне и подобрал отельчик в пригороде. Небольшой такой городишко, в духе романов Агаты Кристи. Как раз для задумки моего романа подходит.

— И тебя там ждут... — произнес я.

— И меня там ждут, — кивнула она головой, не глядя на меня. — Давно мы с Янкой не виделись. Я тебе как-нибудь расскажу нашу с ней историю.

— Ну что же, Дианка, впереди у тебя много интересного.

Она намазала на кусочек хлеба мягкое авокадо, положила сверху ломтик сыра и протянула бутерброд.

— Попробуй, — сказала она. — Мне очень нравится вот так — авокадо с сыром.

— Я тоже люблю так делать.

— У тебя тоже впереди целое лето. Ты уж отдохни, порисуй.

— Я сделаю много работ.

— И по-прежнему будешь оставлять их на лавках? — спросила она с улыбкой.

— В последнее время появилась другая идея. Может, раздавать их детям?.. А то, кто знает, может, мои работы и впрямь кто-нибудь в мусорник выбрасывает, когда пляж утром убирают. А так хоть что-то у кого-нибудь останется.

— А не жалко работ?

— Нет. Пусть будет кому-то радость. Я верю, что в жизни все зеркально нам возвращается. Глядишь, и мне радости перепадет. Знаешь, однажды зашел вечером на кухню и вижу: на полу сидит паук. Одной ножки нет, неуклюже так ползет. Шагнул уже к нему, чтобы раздавить, но остановился. Не потому, что пожалел его, что там жалеть-то, а просто... подумал, с чего это — увидел и убить надо. Что за импульс такой? Дом мой среди леса, как и у тебя. Паучков таких кругом навалом. Что удивительного в том, что он живет в моем доме. Говорят, домовые с ними дружат... Я стою себе, посуду мою да на него поглядываю. Иди, мол, дурак, пока возможность есть. А он сидит себе, не уходит. Ну что же, посуду вытер, свет выключил и ушел.

— Я их тоже не убиваю. В спальне, конечно, бегать не дам, вежливо так попрошу выйти вон. Но убивать не буду. Да, мы все тут в лесу рядышком живем.

— Мы с тобой странные, наверное, — улыбнулся я. — Представляешь, кто-нибудь услышал бы наши разговоры. Или в твоей книге прочитал бы все это.

— Что? — спросила она.

— Все, что было с нами.

— Нет, — покачала она головой. — Наша с тобой история — это совсем другое. Это не книга...

Она начала собирать посуду со стола и, подойдя к холодильнику, вдруг остановилась, оглянувшись на меня.

— Ты знаешь, у меня в холодильнике много консервов есть. Одной только тушенки аж пять банок. Давай, ты возьми себе. Пригодится.

— Нет. Не надо.

— Но почему? — спросила она, расставляя посуду на полках.

— Грустновато мне будет есть эту тушенку.

— Смешной, — улыбнулась она. — Как тушенка может быть грустной?

— Может, Диана, — сказал я. — У меня всего достаточно. Спасибо тебе!

Она села за стол, взяла сумочку рядом со стула и раскрыла ее.

— Вот мой билет, — сказала она, разглаживая его на столе. — Паспорт... Я беру очень немного вещей. Всего одна сумка. Одежда, косметика. Наброски книги. Это, пожалуй, самое дорогое. Целый год отдала ей... Знаешь, думаю нам надо проститься чуть раньше. Не провожай меня. Я заказала такси, оно меня довезет до автостанции, там сяду, и поехала.

— Как же ты с сумкой?

— Она очень легкая. Одежда да тетрадь с текстом. Вот и весь груз. А я тебе буду звонить. Мы можем разговаривать по телефону, пока границу не перееду. Потом роуминг включается, и разговор очень дорогой. Когда буду на месте, будем держать связь по скайпу и через смс. В наше время расстояний не существует. А там, глядишь, и ты ко мне приедешь. Порассекаем по Лондону... Ну, чего ты грустишь?.. Такой ты...

— Да нет, совсем не грустил. Хотя расставаться с тобой грустно. Давай... тогда уже я и пойду. Что тянуть-то.

— Только ты не обижайся. Мне и самой как-то не по себе, но... Механизм уже заработал. Жизнь взяла разгон в эту сторону. Надо собираться. Подумать, не забыла ли чего.

Мы вышли во двор, я повернулся к Диане и обнял ее.

— Ладно, Диана. Не знаю, что тебе сказать. Я о тебе не забуду.

— Я тоже о тебе не забуду.

Я поцеловал ее в волосы. Надо было действительно идти. Зачем трепать нервы и ей и себе. Надо, так надо. Настроилась — значит, надо ехать.

— Куда ты? — спросила Диана, когда я выходил со двора.

— Пойду искупаюсь. Позагораю.

— Передай голубой лавочке привет! — крикнула она и помахала мне рукой.

— Я потом пойду туда и буду ждать твоего звонка.

— Я позвоню до отъезда. Автобус отправляется в семь.

— Я буду на голубой лавочке, — помахал я ей рукой.

И тут вдруг я подумал, а не расстанемся ли мы навсегда? Вот так, запросто, говоря какие-то незначительные слова. Не может ли это быть концом всего? Ведь чаще всего именно так и происходит — люди небрежно машут друг другу, шутят, не принимают разлуку всерьез... и расстаются навсегда. Диана сказала, что все происходит с нами вовремя и все происходит правильно. И всегда так, как лучше для нас. Мы малы, слепы, неразумны, неспособны проникнуть в будущее. Но ведь живу-то я сейчас. Чувствую сейчас... И плохо мне сейчас.

Я вышел на берег моря и оглянулся на Дианкин дом. Поднявшийся высоко на дюне, он был виден отсюда между соснами. Вот окно кухни на первом этаже, я вижу это окно. Может, она еще там. Вспомнил диван в саду, наш вчерашний вечер у костра. Столько всего произошло!.. И сама Дианка. Еще вчера утром я совсем не знал ее. Да и сейчас, в общем-то, мало знаю. Мы говорили всю ночь, но так и не наговорились.

Я пошел вдоль моря, стараясь ни о чем не думать. Просто смотрел на море, на чаек, на облака. Иногда заходил на мелководье, смотрел, как на песчаных островках дети строят песчаные замки. Стайка мальков плыла впереди меня, по ребристой поверхности дна скользили солнечные блики.

В кармане шорт раздался сигнал мобильного телефона. Я достал его.

— Ник, — услышал я голос Дианы. — Как ты там?

— Все хорошо.

— Купаешься?

— Нет, просто иду по воде.

— Яко по суху? — засмеялась она.

— Вот-вот, — улыбнулся я.

— Я вызвала такси, уже у входа жду его. День классный! Ты загорай, купайся.

А я буду звонить тебе.

— Да, Диана.

— И чтобы не грустил. Договорились?

— Договорились.

— Ник, он уже едет. Я еще позвоню. Когда буду садиться, позвоню.

— Я буду ждать. Дианка ты, Дианка моя!..

— Не грустить. Мы договорились...

— Да.

Она отбила звонок, и я положил телефон в карман. Моя любимая голубая лавочка была совсем неподалеку. Я знал, вон там она — за ивовыми кустами. Вообще-то, все они стоят вдоль берега неподалеку от воды. По ночам море разливается по всему берегу, и по утрам можно увидеть, что металлические ножки лавок оплетены водорослями, потемневшими и подсушенными солнцем. Но эту лавочку кто-то оттянул вглубь берега за ивовые заросли. Со стороны берега ее нельзя было заметить, и тебя никто не видел, когда ты сидел на ней. Какой чудесный вид на закат открывался с нее! Как мне всегда на ней было хорошо и спокойно.

Я дошел до нее, сел, поднял обтертый песком, просоленный морем кусок дерева и стал его бездумно разглядывать.

В кармане зазвонил телефон.

— Ник, мы скоро подъезжаем. Сейчас смотрела в сети. Вечером обещают дождь и сильный ветер. Ты там не забредай далеко.

— Промокнет наш диван, — сказал я с улыбкой.

— Что поделаешь, — сказала она и чуть замялась. — Когда выходила, решила оставить тебе сто евро. Ну просто, на вкусненькое.

— Зачем! Не надо!

— Я раздумала.

— Слава Богу!

— Я оставила двести евро. Они под диваном с той стороны, где ты лежал.

— Дианка, что ты придумала! У меня же есть деньги.

— Знаю. Но это мой тебе подарок. Ты обязательно возьми, а то будет дождь и все промокнет. Я хочу, чтобы это был мой тебе подарок. От Ван Гога во сне я посторонилась и вот теперь художника с майонезной фабрики хочу прижать к своей груди. Я уверена, что ты гений. Ты потом в своей автобиографии не забудь упомянуть, что я первая оценила тебя, не прошла мимо. Отдала тебе все в прямом и переносном смысле...

Она засмеялась на том конце.

— Ты там, я вижу, разошлась!

— А, улыбнулся! Это здорово. Но я не шучу. Ты возьми их... Ник, подъезжаю к автостанции. Когда сяду, позвоню.

Ну, Дианка! Я сидел ошарашенный ее словами. Глубоко вдохнул, выдохнул, посмотрел на небо. А солнце и вправду уходит в тучу. И эта духота. Похоже, действительно будет гроза.

Дианка, Дианка!.. Никогда нельзя предугадать, что она вытворит. Теперь еще эти деньги. Что за дикая идея!

Я решил не спеша пойти в сторону ее дома, взять деньги, потом при первой же возможности выслать их ей. Я же видел, когда она раскрыла за столом на кухне кошелек, что денег у нее совсем немного.

Когда подходил к ее дому, она снова позвонила.

— Ник, у меня место впереди! Передо мной широченное стекло. Буду видеть всю дорогу. Правда, классно!

— Здорово! Ты купила что-нибудь в дорогу? Ну, попить там...

— Тут на первом этаже автобуса все есть. Стюардесса принесет. Так что еду со всеми удобствами.

— Везет некоторым.

— Еще бы! Ник, ты отдыхай... не скучай...

— Постараюсь.

— Ник, ты должен отвечать мужественно, скупое и сурово, как герои у Хемингуэя. Скажи просто — yes, Marry.

— Yes, Marry!

— Чувствуешь себя героем Хемингуэя?

— Yes, Marry!

— Ok! But please, don't get drunk today...for me...please!..

— Эх, Дианка!..

— Ладно... Уже мотор завелся. Сейчас поедem... Ник, я позвоню еще... До границы позвоню...

— Я тут возле твоего дома. Буду во дворе. На том месте, где костер у нас был...

Она отбила звонок. Ну вот и все. Я вошел в ее двор, прошел к дивану и сел. Потрогал рукой поверхность. Хороший диван. И чего они его выбросили?.. Наклоняться и смотреть, есть ли деньги, я не хотел. Мне казалось ужасным найти их. Словно это было бы еще одно, окончательное доказательство того, что мы с ней расстались.

Небо стало темнеть, несколько самых крупных звезд зажглось на нем. Где сейчас Дианка? Видит ли она это небо?

Я не стал убирать телефон. Он лежал на диване рядом со мной.

Он зазвенел так резко, что я вздрогнул.

— Ник, ты где? — услышал я ее голос.

— Дианка, я в твоem дворе, — я резко встал, что-то почувствовав в ее голосе, сердце быстро колотилось.

— Никуда не уходи, я еду к тебе, — сказала она быстро.

— Куда ты едешь? — не понял я.

— Я еду назад в такси. Жди меня. Я скоро позвоню.

Боже, что творилось со мной! Я не сомневался, что это не шутка. Она может все. Но такое не может. Шутить с таким не будет. Где она? И неужели действительно она едет назад!

Я несколько раз обошел вокруг дома, вышел на дорогу. Где же она?

Я все время ждал ее звонка, но тем не менее каждый сигнал телефона казался резким и неожиданным. Она снова звонила.

— Ты где, Ник?

— У тебя. На дороге возле дома.

— Помнишь магазин, где мы в первый раз встретились?

— Да, конечно.

— Я вышла возле него. Купила кое-что. Иду сейчас по дороге, как мы тогда шли.

— Я бегу к тебе навстречу! — крикнул я в трубку.

— Жду тебя.

Я бежал через лес, нагибаясь под ветвями, перепрыгивал через узловатые корни на земле. Что-то встрепенулось в кустах от моего бега, может кот, может лиса, и, ломая ветки, унеслось в глубину леса.

Я выбежал на дорогу и увидел ее далеко-далеко впереди. Она шла по краю шоссе и несла что-то светлое в руках. Я быстро шел ей навстречу, бежал, а потом снова шел, пока она не оказалась рядом. Ее темные непокорные волосы, карие глаза... Дианка моя!.. Сумасшедшая моя Дианка! Она стоит, улыбается и держит двумя руками перед собой большой кочан капусты.

Я обнял ее вместе с этим кочаном (кто-то из прохожих засмеялся, видя нашу встречу), поцеловал ее губы, глаза, щеки, волосы... и взял кочан из ее рук.

— Что это? — спросил я. — Дианка, я ничего не понимаю.

— Я тоже ничего не понимаю, — засмеялась она. — Понимаешь, я вышла на минутку перед самой отправкой... Стою, думаю, что делать? Ехать?.. Не ехать?.. Но, с другой стороны, меня там ждут, обо мне договорились, билет в кармане, потрясающее путешествие... Дура я, что ли, чтобы не ехать?! И вдруг, в самый последний момент, когда закрывалась уже дверь автобуса, я поняла, что я дура, и никуда не еду. Понимаешь, я никуда не еду. Зачем мне ехать? Я уже здесь!..

— А вещи твои где? — дошло наконец до меня, что, кроме капусты, у нее ничего больше нет.

— Уехала моя сумка, — выдохнула она. — Ну и Бог с ней.

— Но там же книга твоя!

Она ничего не сказала, а только махнула рукой.

— А это? Что за капуста?

— А это будут твои любимые голубцы. А ты что, решил издали, что я уже беременная? — рассмеялась она.

— Вообще-то, было похоже.

Я снова обнял ее, просто стоял, прижимая к себе. Такую дорогую. Единственную...

9

Этим вечером дождь так и не начался. Посверкивало за лесом, далекий гром ворочался где-то вдали. Мы снова лежали на нашем диване в саду. Я целовал влажные после душа волосы Дианы, касался губами ее шеи, груди, живота... Мне хотелось зацеловать ее всю-всю, и чтобы ничто не осталось незацелованным.

А потом мы лежали, обнявшись, и смотрели на звезды.

— Сколько миров! — сказал я тихо. — Какая над нами бесконечность!

Она обняла меня крепче, прижалась ко мне всем телом.

— А мне не хочется туда, — прошептала она. — Мне хочется еще побыть здесь. Пока ты тут, хочу быть тут. А потом, — она взяла меня за руку, — мы вместе полетим к звездам.

